

НАШ

СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

9 · 1988

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. П. АСТАФЬЕВ,
В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
Г. И. БУЗМАКОВ
(зав. отделом очерка
и публицистики),
И. А. ВАСИЛЬЕВ,
В. Ф. ГРАЧЕВ
(зав. отделом прозы),
А. И. КАЗИНЦЕВ
(заместитель главного
редактора),
Г. Г. КАСМЫНИН
(зав. отделом поэзии),
В. И. КОЧЕТКОВ,
А. Г. КУЗЬМИН,
С. Ю. КУНЯЕВ,
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),
Е. И. НОСОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
В. М. СВИНИННИКОВ
(первый заместитель
главного редактора),
Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
И. И. СТРЕЛКОВА,
П. П. ТАТАУРОВ
(зав. отделом критики),
О. А. ФОКИНА,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
Н. Е. ШУНДИК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 9

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

- Валентин ПИКУЛЬ, ЧЕСТЬ ИМЕЮ. Исповедь офицера российского Генштаба. Роман 28
Николай СМИРНОВ, РАССКАЗЫ 115

ПОЭЗИЯ

- Николай РАЧКОВ, ГРАНИТ СОВЕСТИ. Рябины. Перевозчик. Пахомыч. Спор. Старая церковь. «Какие соколы кружили!..». «Неспроста эта ложь...». У древнерусской иконы 25
Мария СУХОРУКОВА, РОДСТВО. «Жил да был Антонушка бригадир...». «А мне теперь у дяди Вали...». «Где, бабушка, твое монисто...». «Прабабушка ушла в небытие...». «Копаю огород...». «Лето из моих уходит глаз...». «Тепло в ненастье сером...». «Жаркой молодости радость...». «Нет у снега ни звона, ни скрипа...». «Я звонким каплям потеряла счет...». «Я снова душу подставляю ветру...». 112
ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ. Борис СИРОТИН, День рождения. «Все ясно — эпоха застоя...»; Владимир БАЛАЧАН, Слово; Николай ДМИТРИЕВ, Ясень. Иван КАЛИНКИН, «Грибная пора...»; С мордовского-эрзя, Перевод Л. Дубаева 140

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Перестройка ставит проблему

- Карем РАШ, КТО СЕЕТ ХЛЕБ — ТОТ СЕЕТ ПРАВДУ 3

Трезвость — условие перестройки

- «ДУША ДОРОЖЕ КОВША». Читательский «круглый стол» 142
Виктор СМИРНОВ, ВОЛЬНАЯ АРТЕЛЬ, или ДУША «ВАТАМАНА» 173

КРИТИКА

- Станислав КУНЯЕВ, ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С ЯРЛЫКОВ.. 180

В конце номера

- Александр КАЗИНЦЕВ, ИГРА В ПОДПISКУ 190
ЖИВАЯ СВЯЗЬ 192

Трезвость — условие перестройки

«ДУША ДОРОЖЕ КОВША»

В 1988 году «Наш современник» продолжает систематически выступать с публикацией статей и очерков, пропагандирующих трезвый образ жизни (Б. Лапченко «Не обороняться — наступать», А. Коваленин «Трезвость — оружие перестройки» (№ 3, 1988 г.), А. Афанасьев «В. И. Ленин и борьба за трезвость» (№ 4, 1988 г.), Е. Черных «Наступление продолжается» (№ 5, 1988 г.), А. Хухрий, И. Иванов, А. Тараканов «Туман над алкогольной пропастью» (№ 8, 1988 г.). Каждая такая публикация вызывала большую почту, в которой читатели не только делились наболевшим, но и предлагали новые формы борьбы за трезвый образ жизни, ставили вопросы, требующие неотлагательного внимания общественности. В большинстве откликов выражается всевозрастающая тревога за судьбы наших детей, слышатся настоячивые призывы не отступать от намеченной программы борьбы. Кстати, сами эти материалы поражают ужом, достоинством, страстностью, широтой истинно государственного взгляда на проблему. Невольно думаешь, как талантливы наш народ, если только не туманит он голову алкоголем.

В докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горбачев отметил очень важный момент в жизни нашего народа: «Повысилась рождаемость и снизилась смертность, что в немалой степени связано с борьбой против пьянства и алкоголизма». Эта же мысль звучит в многочисленных письмах читателей, которые разоблачают стремление отдельных руководителей решить социальные проблемы за счет «пьяного бюджета», их попытки с упорной настойчивостью ликвидировать объявленные самим народом «зоны трезвости». Удивительно, но факт: негативное отношение к проблеме борьбы за трезвый образ жизни прозвучало и в выступлениях некоторых делегатов XIX партконференции — Мельникова В. И., Ярина В. А., Примакова Е. М. Правда, «доказательства» Примакова Е. М. (Мельникова В. И. и Ярина В. А. не утруждали себя и доказательствами), что в результате принятия постановления в мае 1985 года мы многое потеряли («...поддержается монополия государства на производство алкогольных напитков, появился дефицит в сахаре... пьянство не очень-то сократилось... выросла токсикомания...», не говоря «о политических издержках, которые тоже велики»), мягко говоря, не выдерживают никакой критики. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма наших читателей, основной пафос которых перекликается с положениями, изложенными в резолюциях XIX Всесоюзной конференции КПСС и, в частности, с мыслью, что «революционная перестройка невозможна без всемерной активизации интеллектуального, духовного потенциала общества, прогресса науки и техники, без увеличения научно-технического вклада ученых и инженерных кадров... без роста общей и политической культуры народа».

А если подумать?

Товарищ! Скажи, что такое Родина? Только не торопись, подумай, вряд ли тебе приходилось всерьез размышлять по этому поводу. Может быть, просто жизнь так сейчас устроена, что ответы на все вопросы мы получаем в виде готовых аксиом. На днях, например, с экрана телевизора один очень положительный герой, обращаясь к нам и заодно к другому не очень положительному герою, произнес: «Как верно сказал Тургенев: «Россия обойдется без каждого из нас, а вот обойдемся ли мы без нее?..» Очень верно! Получай, товарищ, готовую жизненную формулу и не сомневайся. А если не торопиться и подумать?

Русские по всем военным законам не могли победить на Куликовом поле и победили. Победили потому, что каждый, подчеркиваю, каждый, кто стоял там против монголо-татар, был уверен, убежден: без него, без его жизни Руси никак не обойтись. А «не могли» победить потому, что против профессиональных воинов-татар,

для которых вся жизнь была война, в русском войске подавляющее большинство составляли ремесленники, крестьяне и прочий невоенный люд. А ну, если бы они принялись рассуждать по-перешнему, примерно так: «Ну где справиться. Проклятые князья враждуют друг с другом, вместо того чтобы, объединившись, дать отпор басурманам, а мне за них отдуваться? Вот уж фигушки! Тем более что воевать-то вовсе и не мое дело! Она как я славно с сохой управлялись, и держу ее правильно, и глубина вспашки соответствующая! А воевать, так пусть вон дружина княжеская воеет, а то ни хрена не делают, только пируют всё. Им за это деньги платят».

Хорошо, что не в чести в те времена была такая «логика», а то не было бы России, нашей с тобой Родины. Вся история ее говорит нам, что возникновение и становление русской нации стало возможно только потому, что верхом доблести и чести для русского издревле было служение Отчизне и смерть во имя нее.

Ты скажешь, ну ладно, все это было, а сейчас-то что я могу, что от меня зависит? Погляди вокруг повнимательней, можно многое увидеть. Вон идут четверо. Походка нетвердая, глаза стеклянные, ничего не выражающие, с губ постоянно срываются плевки, а в мозгах бьется одна-единственная мысль: где достать еще «бормотухи»? Это наши с тобой соотечественники, это идут потомки тех, кто насмерть стоял в 1380 году на поле Куликовом и под Москвой в 1941-м, в Сталинграде и в древнем Смоленске. Неужели у тебя не щемит сердце, когда видишь их, неужели тебе не жаль сирот, переполняющих сегодня детские дома, неужели тебя неостают равнодушным тысячи молодых жизней, загубленных по пьянке? Или у тебя на все заранее заготовлен ответ: на тех четверых смотришь безразлично, то, что дети — сироты, государство само виновато, всего-то делов — надо заставить их родителей принудительно трудиться где-нибудь на Колыме, а заработанное направить на содержание детских домов. Сам же ты тоже любишь посидеть за праздничным столом, выпить рюмашку-другую, поиграть на гармонии, попеть народные песни, а во время перекуров на балконе или крыльце поспорить о политике, одним словом — «расслабиться». Только от чего ты расслабляешься? На работе не перенапрягаешься, дома тоже. А может, глушишь ты водкой в себе остатки того, что вело когда-то твоих предков на смерть за Отечество, глушишь заложенную в тебя национальную сущность нашу русскую?

В одной семье отец пил, здорово пил, а было в той семье еще двое маленьких детей и их большая сердцем мать. И вот как-то не вынесло у нее сердце бесконечных пьянок мужа, случился у нее инфаркт, увезли ее в больницу. Последние слова женщины были: «Ты уж без меня, пожалуйста, не пей». Муж день продержался, на следующий напился. Пришел домой, а дети (братнику 6 лет, сестренке 4 годика) говорят: «Ну что же ты, папка, ведь ты обещал мамке не пить, а сам напился». Он вспылал: «Вы, щенки, меня учить?!» Взял да и запер их в наказание в чулан. Запер ненадолго, все-таки март был на дворе, еще холодно, сел у печки, задумался о чем-то очень важном да и заснул. Спал спяну долго. Проснулся, и аж пот прошиб, хмель весь вылетел-таки — как они там? Распахнул дверь, а ему сынишка — стук под ноги. Мерзлый уже. У обоих ногти все ободраны — это они в дверь скреблись, и на щеках ледяные дорожки-слезы замерзли. Постоял отец, постоял да и пошел искать веревку. Мать, как узнала, тут же и померла. И все, и нет семьи.

Ты говоришь: «Но я-то что могу изменить, от меня-то что зависит?» Отвечу: «Многое». Вот, сидя с приятелями на каком-то очередном торжестве, изрядно выпив, ты с умным видом рассуждаешь, что перестройки не видно, что в магазинах совсем купить нечего, одно барахло там. Как только можешь ругаешь тех, что наверху, которые что-то не торопятся перестраивать промышленность на выпуск качественных товаров. А они и не будут перестраивать, какой смысл им это делать? Ведь ты хоть раз в месяц отдашь свой честно заработанный червонец за грошное спиртное? Отдашь. И больше принесешь в этот магазин, насчет червонца, конечно, я здорово поскромничал. И другой отдаст, и третий... До тех пор, пока этот магазин будет давать выручки больше, чем все остальные, вместе взятые, перестройки не будет. А зачем она? Товарооборот выполняется, деньги в банк поступают, зачем спешить с выпуском качественных товаров, голову себе ломать, когда люди сами ищут способа отдать свои кровные за какое-нибудь пошлое подешевле. Ну как же не пойти им навстречу? И «идут». Подтверждение этому — недавнее постановление партии и правительства, в котором говорится, что все те министры и их замы, которые должны были сокращать выпуск плодородных вин, коньяка, шампанского, всеми правдами и неправдами увеличивали их производство, и впредь будут увеличивать, можно не сомневаться, несмотря на все выговоры, которые для них все равно что укусы комариный. И никогда этот магазин не прикроют, мотивируя тем, что иначе население по домам будет зелье изготавливать. Ведь у вас в квартире или в доме стоит самогонный аппарат, а? Стоит, если не у вас, так у ближайших родственников. А раз так, то эти, которые за то, чтобы не закрывать винные магазины, правы. Они показывают на тебя пальцем и говорят: «Народ без этого не может». И ты им большой помощник. Так что именно от тебя зависит, быть или не быть перестройке, быть или не быть России! Ей без тебя не обойтись, но и ты без нее никто!

Вот ты прочитал, усмехнулся, сказал: «Да...» — и стал думать о том, что тебя тревожит в первую очередь: о зарплате, о яслях, где бы купить японский магнитофон по госцене... Ничто не шевельнулось в твоей душе... Пустует твое место на поле Куликовом...

С. БОЛОТОВ,
Пермь.

Исповедь

..Наступил день, когда я сказал себе: хватит! Почему я, человек, должен быть быдлом, которому подносят стопарик и вовремя осаживают: получи! — в остальное не суйся! Я стал соваться. Постепенно начал терять «друзей», которые всего пару лет назад мне казались прекрасными людьми, активными комсомольцами. Морально мне было несколько легче других — год проработал матросом на Волге, где насмотрелся на пьяные физиономии до тошноты. Там все ЧП — от аварий до убийств — происходили по пьянке. Меня тогда, помню, впервые возмутило, что опошляется таким образом нелегкий труд матросов на Великой русской реке. Потом стал работать в газете. Не все у меня шло гладко и в редакции. Испортил взаимоотношения с редактором, демонстративно отказавшись от вечеринки, а попросту — попоек.

Я стал активным краеведом. Однажды задумался: какое это кощунство — торговать вином и водкой, спать у памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны моим землякам-лысковчанам?! Дело это было еще до Указа. Потребовал перевести винный магазин подальше от монумента. В райкоме меня приняли просто за блаженного. Я писал об этом в газете, выступал где мог. Написал в Центральный Комитет. Временами у самого появлялся червь сомнения: никто не понимает, что торговать у братской могилы водкой — это пошло; получается, что я и впрямь блаженный! Прибыл вскоре из обкома КПСС инструктор. Встретились мы с ним и секретарем по идеологии РК КПСС в кабинете редактора. Поговорили. Но все осталось по-прежнему (этот винный магазин перевели, несмотря на настойчивое требование полного его закрытия, в другое место только в конце прошлого года).

Зато потом, когда создавалось в нашем районе общество борьбы за трезвость, меня вычеркнули из состава совета буквально в последний момент за то, что я писал «наверх».

Вскоре мы с семьей уехали на Сахалин. В силу своей наивности, я полагаю, что перестройка касается всех и, стало быть, надо засучив рукава бороться с грязью, в которой мы увязли по колено. Но оказывается, что и грязь, и пена всколыхнулись волной перестройки, кого утопив, кого вышвырнув вон. Оказывается, и в наше открытое и честное время не надо было забывать и забывать о продолжающейся «дипломатической» игре. Но разница больно ударила по глазам. На материке «перестроились» алкаши (этот термин отношу к любителям «культурного питья», остальные — просто пьяницы), они ушли в «себя», то бишь громко среди незнакомых и ненадежных на свою судьбу не ропщут. А на Сахалине открыто возмущаются тем, что урвали у них кусочек «красивой жизни». В одном ресторане, например, в Невельске, под музыку можно нахлестаться до потери пульса, благо обстановочка, напоминающая времена нэпа, тому вполне благоприятствует. Словом, изменения лишь в том, что на улицах пьяные не встречаются толпами, как прежде, а стали ходить в одиночку. Мне же в местной газете сразу прикрыли рот, ссылаясь сперва на то, что нельзя так резко бичевать пьянство. И вообще, мол, я пускаюсь в рассуждения, которые уже порядком надоели за последние десятилетия...

От своих коллег-журналистов и здесь услышал: пили, пьем и будем пить, — а мне так хотелось верить, что они к сердцу приняли борьбу за трезвость, личным примером за нее агитируют... Впрочем, что говорить о газетчиках, если еще не везде созданы первичные организации по борьбе за трезвость.

Зато очень громко и здесь, на краешке земли, слышны возмущения по поводу того, что с сокращением продажи водки и вина в магазинах очень-де многие ринулись гнать и пить самогон да нюхать всякую гадость. Хочется таким недругам перестройки, а стало быть, и борьбы за трезвость, сказать одно: просто эти явления стали резче контрастировать на фоне сокращения продажи алкоголя в магазинах. Кто не пробовал горилки на Украине, чаи на Кавказе?! И ведь все это было тогда, когда водка стояла всего 3 руб. 60 коп.! Это все равно что утверждать, будто у нас вовсе не было проституции и наркомании. Это все было, было — и не прошло само собой. Но защитники стопарика находят все новые «неотразимые» доводы: «Новая опасность нас подстерегает — пьянство с улиц и дворов ушло в быт!» Батюшки, как страшно-то! Да оно еще оттуда и не выходило!!! Это мы еще только на рабочих местах установили более или менее зону трезвости, а до семей-то не дошли. До поры до времени, разумеется. Зато скрывается различными путями правдивая информация о вреде алкоголя, какую удалось прочесть только в вашем журнале. Например, что ВОЗ объявила алкоголь наркотиком, я, тридцатилетний, прочитал только вчера!

Вывод, как мне кажется, вытекает сам собой: нужно прекратить спать наш народ, могучий, многонациональный. Мне лично «сухой закон» не страшен, потому что уже несколько лет самый крепкий напиток для меня — минералка да лимонад, год как бросил курить. Легко и просто не стало, потому что забот полон рот, а решать их надо только на трезвую голову. Может, кого-то это насторожит: вот видите, хоть и бросил, а все ж легче жить не стало. Так тут разговор уже идет не о водке, а о жизни, которую прожить — не поле перейти. Совсем другие проблемы появились, а насчет алкоголя — просто нет потребности, мне все равно, есть в магазине водка или нет. И не надо мне устраивать досуг — я сам его устроил так, что времени на все дела в обрез. Какие же это дела? Во-первых, работа. Во-вторых, и с дочкой надо заниматься. В-третьих, существует такое множество книг, что становится обидно, что не все успею прочесть за свою жизнь. В-четвертых, общественная работа. Я люблю заниматься с ребятиш, потому еще на Волге организовал с товарищем Военно-пат-

риотический клуб юных моряков-пограничников имени И. А. Кадушина. Кстати, тот мой товарищ вообще никогда даже не пригубил ни граммульки спиртного за всю жизнь, а зовут его — Сергей Гомозов, а какой умница, таких только поискать, только вот искать отвыкли...

В. ЩАНОВ,
г. Невельск, о. Сахалин.

Кому выгода от пьяного?

Я — бывший алкоголик, пять лет назад объявивший себе «сухой» закон, чтобы с его помощью пробиться к нормальным людям, в нормальную жизнь.

По воле случая мое возвращение к трезвости совпало с начавшейся в стране перестройкой, которая окончательно рассеяла мой пессимизм и пробудила гражданские чувства.

Я не отношу себя к ханжам, которые сами бросили пить и теперь с ненавистью смотрят на продолжающих пить. Просто серьезно стал смотреть на жизнь — она так хороша и интересна без спиртного, ей так нужны трезвые, работающие люди!

Святое дело перестройки сможет совершить только трезвый народ. И это никакой не лозунг, это суть нашей действительности. Скажу и так: борьба за трезвость неотделима от борьбы за экономическое и социальное обновление общества, за честь, могущество и авторитет государства.

Нынешняя обстановка на антиалкогольном фронте очень уж напоминает недоброй памяти положение, сложившееся в середине семидесятых годов, когда всего через каких-нибудь два года после принятия в 1972 году мер по усилению борьбы с пьянством полползла та же вереница «незначительных» уступок-поблажек неумехам-торговцам да бюрократам, привыкшим затыкать дыры в государственном кармане «пьяным» рублем. В скором времени эти уступки слились в бурный поток, в котором едва не утонули и сами радетели госбюджета. Вновь вырвавшийся на волю «зеленый змий» все туже закручивался в спираль, по кольцам которой мы спускались все ниже и ниже.

Всем миром мы лихо пропивали не только личное и государственное благосостояние, не только свою историю и самих себя, но и самое-самое дорогое, ради чего и живем, — своих детей, свое будущее! Именно в семидесятые «пьяные» годы пошло по нашим городам и весям чудовищное моровое поветрие, унося ежегодно сотни тысяч жизней соотечественников; именно в те годы стали обычным явлением дома-интернаты для детей-уродов; именно тогда стало стремительно расти число детей-сирот при живых родителях. Что может быть страшнее и преступнее!..

В семидесятые и начале восьмидесятых годов мы пили с таким остервенением, будто взяли обязательство досрочно выпить всю водку и утопить в ней не только самих себя, но и воспоминание о себе.

Нельзя сказать, что и в ту пору общество не боролось с пьянством. Боролось, конечно, но как? Доборолось даже до ЛТП, когда именем закона сажали и продолжали сажать за решетку людей, чрезмерно увлекшихся спиртными напитками, которые находятся в свободной (I) продаже. А в организации всевозможных комиссий по борьбе с пьянством и разветвленной наркологической службы вообще поднялись на недосягаемые бюрократические высоты.

Между тем ситуация на антиалкогольном фронте получалась претранныйшая: чем больше врачей в мобилизационном порядке Минздрав направлял в наркологию, чем злее мы ругали и проклинали пьяниц, чем сильнее их (а лучше сказать — их семьи) наказывали, тем стремительнее росло число выпивох. В этом поистине диком соревновании Минздрав и общественность явно проигрывали: вместо одной отрубленной головы у «зеленого змия» тотчас выросло две. Наркология и общественность боролась лишь с последствиями разрушительной деятельности Минторга и винной отрасли, чьи возможности были на два порядка выше возможностей первых.

Постарались внести свою «лепту» в поражение энтузиастов трезвого образа жизни и «культурнопьющие», мгновенно нашедшие понимание практически у всех руководителей средств массовой информации. И полились со страниц солидных изданий (бульварные у нас отсутствуют), с теле- и киноэкранов нравоучения знатоков «культуры» питья, явившиеся не чем иным, как предательством по отношению к нашему коллективистскому народу, который по простоте своей в советах пить умеренно увидел одобрение своему пьянству.

К 1985 году мы подплыли на такой волне пьянства и с таким креном от алкологической перегрузки, что в любой час могли бы пойти на дно.

Решение, принятое партией и правительством в мае 1985 года, было единственно верным, ибо «подавляющее большинство советских людей единодушно в том, что употребление спиртного наносит большой экономический и моральный ущерб, что оно нетерпимо в жизни нашего общества» (из постановления ЦК КПСС, «Правда» от 17 мая 1985 г.).

Только нет ли противоречия между этой выдержкой... из постановления и громадными очередями у винных точек? О причинах, побуждающих людей пить, буду

говорить дальше, а пока скажу: наш пьящий (покал) народ стоит за трезвость и все больше склоняется к «сухому» закону, потому что трезвость не «мимолетное виденье», а непреходящее, концентрированное выражение здорового жизненного инстинкта к продолжению себя в потомках; народная трезвость — это мудрость народа, заложенная в нем жизненным опытом всех предыдущих поколений.

Анализируя причины, приведшие к провалам прошлых противоалкогольных законодательных актов, ЦК партии в своем постановлении приводит главные из них, как бы указывая этим столбовую дорогу избавления нашего общества от пьянства и алкоголизма:

«Намечавшиеся ранее меры по устранению пьянства и алкоголизма осуществляются неудовлетворительно. Борьба с этим социально опасным злом ведется кампанией, без необходимой организованности и последовательности. Недостаточно скоординированы в этом деле усилия государственных и хозяйственных органов, партийных и общественных организаций.

По-настоящему не развернута антиалкогольная пропаганда. Она нередко обходит острые вопросы, не носит наступательного характера. Значительная часть населения не воспитывается в духе трезвости, недостаточно осведомлена о вреде употребления спиртных напитков для здоровья нынешних и особенно будущих поколений, для общества в целом. Совершенно нетерпимыми являются факты, когда в средствах массовой информации, в отдельных произведениях литературы, в кино и по телевидению проповедуются идеи «культурного», умеренного употребления спиртных напитков, в привлекательном виде изображаются всевозможные застолья и питейные ритуалы».

Новый Указ, надежно перекрыв «кислород» вино-водочной отрасли, выполнил свою задачу, уровень винных рек стал заметно снижаться, что принесло нам ощутимую пользу в виде улучшения демографических показателей и снижения негативных социальных факторов (стало меньше прогулов на производстве, снизился процент преступности на почве пьянства, оздоровился общественный климат).

Выражаясь военным языком, алкогольный фронт прорвали, и наступил благоприятный момент для ввода в прорыв свежих сил в виде массовой антиалкогольной пропаганды всеми силами общества «Знание», Минздрава, ВДОБТ, средств массовой информации со стратегической целью победоносного завершения этой благороднейшей задачи.

Но Указ, я считаю, был предан — и в первую очередь Центральным телевидением, Минздравом, специально созданным для активной и наступательной антиалкогольной пропаганды Всесоюзным добровольным обществом борьбы за трезвость (ВДОБТ), а заодно и его органом — журналом «Трезвость и культура». Что касается ВДОБТ, то лучше писателя А. Мартынова («Правда» от 19 октября 1987 года) о нем и не скажешь:

«...В кратчайший срок был создан но-

вый бюрократический аппарат по старому шаблону: кабинеты, мебель, телефоны, машинистки, свой счет в банке, отчеты... Прошло два года, и получившие новые оклады «борцы за трезвость» уже весьма забываются о том, «чтобы ничего не менялось»...»

Если с ВДОБТ дело более или менее ясно, потому как бюрократия может родить только самое себя, то на содержание и направленность журнала «Трезвость и культура» следует обратить внимание, и вот почему. Его главный редактор С. Шервердин, еще в семидесятые годы (когда был рядовым журналистом) имевший свое мнение и свои определенные взгляды на трезвость, высказанные им в статьях в «Журналисте» (№ 10, 1976 г. и № 3, 1977 г.), с назначением на высокую и ко многому обязывающую должность повернул эти взгляды этак градусов на девяносто и отныне не отдает предпочтения ни трезвости, ни пьянству. Написанная им брошюра «Со злом бороться эффективно» (изд-во «Мысль», 1985 г.) словно создана двумя Шервердинами: один всюю борется за трезвость, другой столь же целеустремленно опровергает доводы первого. Если к этой метаморфозе добавить серость, унылость и «всеядность» руководимого им журнала, то так и кажется, что перед назначением на пост главного редактора С. Шервердина вызвал высокопоставленный дядя и строго погрозил пальцем, мол, ты там шибко трезвостью не увлекайся, мало ли как оно все повернется.

Непонимание серьезности проблемы, непоколебимая уверенность в «полезности» небольших, так называемых умеренных доз алкоголя частично объясняют нежелание целого ряда руководителей ну хотя бы не препятствовать трезвеннической пропаганде. Этим же порождено их откровенное нежелание глубоко и серьезно изучить болевые точки «алкогольного вопроса», с тем чтобы немедленно задействовать всю мощь пропагандистского аппарата, средств массовой информации, пока еще авторитетного Минздрава в ликвидации катастрофических пробелов в антиалкогольном воспитании народа, прежде всего подрастающего поколения.

В постановлении ЦК КПСС, опубликованном «Правдой» 2 июня 1987 года, отмечается наличие «культурнопитейного» стереотипа, прочно обосновавшегося в среде нашей интеллигенции: «По-прежнему низкой остается действенность воспитательной, профилактической работы. Особенно недопустимо то, что многие члены партии, в том числе некоторые руководящие работники, не показывают примера непримиримости, бескомпромиссности по отношению к тем, кто нарушает антиалкогольное законодательство, а отдельные из них сами подвержены этому пороку. В вопросах борьбы с пьянством не всегда четкую, принципиальную позицию занимают партийные организации. Пассивно ведут себя многие местные Советы народных депутатов, профсоюзные, комсомольские организации, творческие союзы. Снизилась активность антиалкогольной пропаганды, которую ведут средства массовой

информации, организации общества «Знание». В пропаганде здорового образа жизни не заняли активную наступательную позицию ученые и специалисты Академии медицинских наук СССР. Все еще слабо проявляют себя организации Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость.

Самолюбование «культурнопьющих», их категорический отказ хоть раз трезво взглянуть правде в глаза, посмотреть на себя глазами андерсеновского ребенка, воскликнувшего: «А король-то голый!» — все это несет в себе неизмеримо большее зло, чем то, что гнездится в самом пьянстве и алкоголизме. Недавно рабочий экспериментального цеха Уралвагонзавода (из «злоупотребляющих») так сказал мне про нравопочитуемого своего начальника, который, естественно, лишь «умеет» выпивать:

— Кто бы учил уму-разуму, только не он! Сам закладывает за воротник, а туда же, в учителя лезет. В это воскресенье опять пьяным по гаражам шаршился.

Обобщающим и наиболее объективным фактором в этом плане служат материалы КПК при ЦК КПСС, опубликованные в «Правде» 31 октября 1987 года, где, в частности, говорится: «...беспринципность в отношении должностных лиц и особенно коммунистов, допускающих нарушения антиалкогольного законодательства, вызывает справедливое возмущение населения. В своих письмах и заявлениях советские люди расценивают эти факты как противоречащие политике партии, тормозящие процессы перестройки и обновления нашего общества, требуют твердо держать курс на повсеместное утверждение трезвого образа жизни».

У нас пока еще свободная продажа спиртного, являющегося не чем иным, как разбавленным до какой-то концентрации (или «крепости») наркотиком № 11. Впрочем, тут все предельно ясно: для обеспечения кэссового сбора (наши трудовые рубли возвращают по схеме банк — зарплата — магазин — банк) руководство Минторга прибегает к услугам вино-водочной отрасли, чтобы за бутылку копеечной стоимости выкачать из кармана трудящегося в десять—двадцать раз больше. Нет товара в магазине? Не страшно. Привози машину-две водяры — вот тебе и план, вот тебе и кассовый сбор. Удобно и выгодно!

Только кому удобно и кому выгодно? Может, народу? Отнюдь. Пьянство не только оскорбляет общество, но и приносит массу неприятностей, оно противно и самим пьющим.

«...Я очень не люблю себя и себе подобных... Я много могу сделать для людей хорошего, но мне мешает вино. А так хочется жить со всеми!» Так пишет пьяница, разумеется, на трезвую голову. («Советская Россия», 26 февраля 1988 года).

Я вовсе не отождествляю народ с пьяницами, но ведь, как ни рассуждай, пьяницы — тоже люди, к их голосу тоже надо прислушиваться (тем более что они часто говорят правду, потому что знают настоящую цену пьянства).

Если народу неудобно, тогда, может, выгодно? Это за бутылку-то зелья, настоящая цена которого полтинник вместе с тарой, отдать потом заработанные десять рублей выгодно?! Смену отпахать, после смены заработанные деньги пропить, с приятелями покалякать «за жизнь», а наутро с опухшей физиономией на работу — это удобно и выгодно?

А может, государству удобно и выгодно, раз продает эту отраву? Но какой уважающей себя державе, заботящейся о собственной самостоятельности и благополучии, искренне озабоченной здоровьем и самочувствием своих граждан, выгодно спаивать свою опору и надежду?

Ответ ясен: продажа спиртного, за счет которого торговля почти без затруднений обеспечивает кассовый сбор и выполнение плана по «валу», удобна только Министерству торговли; прибыль от продажи спиртного на всю тысячу процентов удобна и выгодна ведомствам, связанным с изготовлением и реализацией алкоголя.

Значит, народ спаивает не государство, а бюрократия.

Бюрократия — это власть канцелярии, власть привилегированной и оторванной от народа чиновничье-административной касты различных рангов, связанных между собой невидимыми нитями бюрократических взаимоотношений в иерархической пирамиде управленческого аппарата. Партбилет для бюрократа не более чем необходимый атрибут для делания карьеры, для достижения своекорыстных интересов. За примерами далеко ходить не надо: Узбекистан и Туркмения, Ростов и Москва, Казахстан и Армения...

С целью выявления конкретных организаций и лиц, прямо или косвенно виновных в спаивании народа, обратимся к прессе. Вот что пишет в статье «Не все ягоды сладкие... К чему привел «винный бум» в Азербайджане» («Правда» от 13 февраля 1988 г.) А. Арцибашев:

«...Баснословные доходы сулили нехитрое дело (изготовление бормотухи. — Н. Т.)... «Инициативу» поддержали и в Госплана СССР, и в ряде союзных министерств, ведомств. За короткий срок в республике заложили десятки тысяч гектаров новых виноградунов, построили большое количество винзаводов, хранилищ. Причем не было заминки ни с выделением средств... ни с поставкой цемента, металла, других дефицитных строительных материалов, оборудования. И полилась неудержимым потоком винная река... Трудно поверить, что до недавнего времени из трех миллиардов рублей бюджета республики, считай, половина приходилась на доходы от виноделия.

Развернувшаяся в стране борьба с пьянством и алкоголизмом, как известно, положила конец «золотому» промыслу».

Я хорошо помню середину семидесятых годов, когда прилавки винных отделов стали ломиться от бормотухи азербайджанского производства. Признаться, меня тогда еще заинтересовал этот факт, поскольку вина в ту пору и так хватало... И вот через 15 лет нашел ответ.

Постановление ЦК КПСС в мае 1985 года и Указ положили конец «золотому»

«ДУША ДОРЖЕ КОВША»

промыслу не только в Азербайджане, но и на всем Кавказе, в Молдавии, Средней Азии. Если сравнить интенсивно развивавшуюся винную отрасль с громадным, во всю мощь разогнанным маховиком, то можно сказать, что маховик этот и сегодня еще бешено вращается, Указ его всего лишь слегка притормозил...

На этот счет «Правда» за 31 октября 1987 года сообщает:

«Проверкой установлено, что по вине некоторых руководителей Госплана СССР... и Госагропрома СССР... на 1987 год, вопреки решениям партии и правительства, был запланирован рост производства коньяка на 46 процентов».

Словом, вывернулись бюрократы: не мытьем, так катаньем, не бормотухой, так коньяком залить страну (благо о коньяке да шампанском конкретно не сказано в Указе) и урвать свою «законную» прибыль... Тут бюрократия проявила обычно не свойственные ей проворство и «деловитость». Цитирую «Правду» дальше:

«Особенно резко возросло производство коньяка. В сравнении с прошлым годом (1986-м. — Н. Т.) его выпуск увеличился в 1,7 раза (такое же равнение да при выполнении Продовольственной программы — Н. Т.), а в Казахстане, Узбекистане, Грузии, Латвии и Азербайджане — удвоился. В Таджикской ССР показатель минувшего года повышен в 4 раза».

Читатель наверняка обратит внимание, что нарушения антиалкогольного законодательства происходят чаще всего в наиболее неблагоприятных в социально-политическом аспекте регионах страны. Показатель спавания (то есть количество алкоголя, приходящегося на душу населения) можно использовать в качестве общего показателя социально-политического неблагоприятия, потому что именно на «пьяной» волне поднимают головы националисты, апологеты западной «культуры» и вообще западного «рая», именно на «пьяной» волне взмывает преступный мир.

Статья В. Селиверстова «Алкогольные мощности. Кто и почему требует их наращивать» («Советская Россия» от 7 января 1988 г.) может служить разъяснением к статье А. Арцибашева «Не все ягоды сладкие...» и к упоминавшимся выше материалам КПК при ЦК КПСС. Она написана так слитно-впечатляюще, что ее невозможно цитировать отрывками, — надо или всю перепечатывать, или рассказать своими словами суть. Рискну на последнее: в статье говорится о том, как трудовой коллектив Болоховского машиностроительного завода, полностью согласный с установкой партии на всеобщую трезвость и поддерживая ее, отказался выполнять слущенный Госагропромом и Госпланом СССР приказ вновь перейти на выпуск оборудования для оснащения вино-водочных заводов новейшими, «скорострельными» линиями (причем эта программа, как пишет автор, явно рассчитана на одну пятилетку). Строптивому коллективу стали «выкручивать» руки все теми же бюрократическими приемами: отказались оплатить уже готовое и отправленное заказчику безалкогольное оборудование и

стали соблазнять большими деньгами под алкогольное.

В результате хождений директора этого завода и автора статьи по бюрократическому кругу Минлегпищемаш — Союзглавмаш — Госагропром — Госплан удалось выяснить, что за словесными заверениями руководителей этих ведомств в своей лояльности антиалкогольному законодательству скрывалось стремление отнюдь не содействовать торможению алкогольного маховика, остановка которого может обернуться для них потерей определенных материальных выгод.

Бюрократ смертельно боится людей трезвых и беспокойных. Ему куда выгодней, чтобы народ продолжал пить и быть покладистым.

И несколько соображений в заключение.

а) Как человек, знающий досконально «кухню» пьянства, скажу, что пиво и вино — идеальные агенты алкоголя. Именно с этих «безобидных» наркотиков начинается трагический путь в пьянство и алкоголизм для подавляющего большинства жертв «умеренного» питья. Для подростков невозможно найти более подходящего наркотического напитка, чем пиво.

Вина, и в особенности шампанское, страшны для всех, но в еще большей мере опять-таки для подрастающего поколения и для женщин. Если мужчина-алкоголик сам себе не нравится, то что можно сказать о женском алкоголизме! Это настолько чудовищно и безобразно, что никакие самые высокие слова об эмансипации прекрасного пола не могут изменить мое мнение. Я за равенство, но не в пьянстве и курении.

б) Уверен, только «сухой» закон положит конец самогонварению. При «сухом» законе правоохранительные органы не пройдут безразлично мимо любого факта пьянства. А при такой постановке дела найдя-ка добровольца... Люди себе не враги.

А главное, «сухой» закон — это определенность во всем. Нельзя пить, и все тут! Я не идеализирую его, просто уверен в том, что другого пути в борьбе за трезвость нет. Всякий прочий путь, любые полумеры неизбежно ведут к поражению в этой борьбе.

в) Почему-то противники антиалкогольных мер любят ссылаться на провалившийся в США «сухой» закон, на низкую эффективность запретных акций даже в «культурных» странах. Во-первых: почему о «сухом» законе США мы информированы лучше, чем о собственном, который, кстати, был гораздо эффективнее и работал на здоровье народа целых одиннадцать лет? Далее, в капстранах пьянство допускается до определенной черты, капиталисту (не винопроизводителю) пьянство — помеха. В капстранах народ разобщен, потому там: пьянство блокируется в пределах семьи. Широчайший выбор продовольственных и промышленных товаров представляет собой надежный барьер на пути к алкогольному прилавку, да и день-

ли на Западе лучше нас считают. На Западе трезвость воспитывается с юных лет, там не препятствуют рекламе алкоголя (бизнес есть бизнес), но и трезвенникам открыта дорога к средствам массовой информации. Винная отрасль в капиталистических странах, как правило, занимает незначительное место в общем объеме товарного производства, поэтому в целом пьянство и капитализму не нужно. И капитал нуждается более всего в трезвых работающих людях и в нормальных, здоровых солдатах. Но если надо, капитал спойт всех!

г) Разговоры о «вреде» и «несвоевременности» запретных мер я считаю или «культурнопитетскими», или антинародными. Намеки на «неподготовленность» советских людей к «сухому» закону есть злостная и целенаправленная демагогия, оскорбляющая наши национальные чувства.

Наш народ еще в октябре семнадцатого года сказал: «Даешь «сухой» закон!»

Н. ТЕСАЛОВСКИЙ.

Нижний Тагил.

Отняли у поэта «собеседницу»...

В «Нашем современнике» я не раз с удовлетворением читал статьи в поддержку антиалкогольной политики. И вот решил написать сам. А точнее — высказать свое мнение об одной странной газетной публикации. Странной не только по причине своего содержания, это само собой, но еще более потому, что принадлежит она известному поэту, человеку, считающему себя чуть ли не «инициатором» перестройки. Имею в виду статью Е. Евтушенко «Притерпелость», опубликованную в «Литературной газете» 11 мая с. г. Чувства недоумения и возмущения вызвала у меня эта статья.

С трудом продираясь сивозь дебри безадресных обвинений и «разоблачений», через многочисленные призывы покончить с «притерпелостью», я пытался найти хотя бы одно позитивное предложение автора — как же нам все-таки с этой самой «притерпелостью» покончить. Не тут-то было! Пожалуй, единственным местом в статье, дающим, хотя и намеком, ответ на этот очень важный вопрос, можно, по моему, считать следующее: «...Триста лет под татарами, триста лет под Романовыми выработали не только терпение героическое, кончавшееся взрывами народных восстаний, но и терпение холопское — притерпелость».

Выходит, надо отбросить «терпение холопское — притерпелость» и, взяв себе в пример тех, у кого «терпение героическое, кончавшееся взрывами народных восстаний», хвататься за колья и бегать на улице, чтобы выразить наконец накопившее возмущение временным отсутствием в продаже пачки сахара, детских колготок, невозможностью немедленно приобрести югославский плафон или румынское кресло-кровать?

А можно отправить громить винные магазины в знак протеста против того, что нету в досталь «легкого красного вина», тогда как Пушкин, оказывается, любил шампанское (надо, видимо, понимать так, что если бы Евтушенко вволю пил шампанское, то писал бы, как Пушкин, а поскольку пить ему приходится «самогон из томатной пасты», то и стих получается тяжелым, как похмелье).

Так вот, я не хочу, чтобы мое терпение кончалось дреколем. И еще: не знаю, как к этому относятся «парижские верхолазы» и «навказские долгожители», но мне лично что-то не хочется, чтобы в результате «перестройки по Евтушенко» меня возил таксист, который свой обед «запил легким красным вином», даже если он после этого, «представьте, не падает». Я не хочу, чтобы инженеры на АЭС потягивали после обеда пиво, хотя, по уверениям уважаемого поэта, «все классики марксизма-ленинизма любили пиво» (с грустью думаю: неужели-таки все?).

Я не принимаю «пьяной» перестройки, поэтому меня возмущает, что треть статьи заполнена стенаниями по поводу страданий пьяниц, обиженных антиалкогольным движением. Какая уж тут, мол, демократия, когда водки нельзя купить вволю и дешево?!

Вообще впечатление такое, будто и вся-то статья написана после обеденной бутылки вина, и отнюдь не «легкого красного». Иначе откуда бы появиться такому взлету воображения и фантазии о возможной первоапрельской шутке «Правды» и убежденности в том, что «...вся эта абсурдная фантазмагория, к сожалению, легко представима»?

А сколько «человеколюбия» в страданиях об алкоголиках, которые из-за недостатка водки и «бормотухи» «вынуждены» пить теперь лосьоны, мазольную жидкость и антифриз (а то раньше не пили!). Это какие же страшные генные последствия будут! Совсем не те, что были бы у них, продолжай они хлестать водку.

В принципе, конечно, можно понять алкогольную озабоченность Евтушенко по эпизоду с камчатским самогоном из томатной пасты. Когда человек настолько не в состоянии справиться со своим пристрастием, что готов пить любую гадость, причем не стыдясь всенародно рассказывать об этом и позабыв даже о том, что это

будет иметь «тяжелейшие генетические последствия», то его остается только пожалеть.

Но все же считаю: поскольку автор «Притерпелости» полагает, что «бутылка вина может быть хорошей собеседницей», пусть бы он ей и изливал свои страдания, а не занимал целую газетную страницу культурно-алкогольными стенаниями и обывательскими подстреканиями.

А претензии к партии за то, что она, якобы не посоветовавшись с многомиллионной армией культурно пьющих и лично с т. Евтушенко, ввела ограничения на торговлю алкоголем, имеют столько же смысла, сколько сетования наркоманов на ограничения в продаже наркотиков. И трудно принимать всерьез его тезис о том, что «Профилактика алкоголизма должна заключаться не в пуританской полициейщине, а в общем повышении культуры». Ведь сам же автор и опровергает его, либо я глубоко заблуждаюсь относительно уровня культуры поэта.

В заключение хочется сказать, что, даже сделав такое эпохальное открытие, что «первой русской революцией, не называемой так, к сожалению, ни в каких учебниках, была отмена крепостного права», стоило быть поскромнее и не зачислять себя одним росчерком пера в «буревестники» перестройки и «будители совести народа».

Валерий ШАРАПОВ, инженер, 43 года.

Знакомая «логика»

Проблема преодоления пьянства имеет важнейшее значение для обеспечения безопасности и обороноспособности нашей страны, она не может не волновать всякого честного гражданина. После Указа 1985 года партией и правительством, общественными организациями было немало сделано для решения этой проблемы. Однако в последнее время четко определились элементы отступления по всему фронту антиалкогольной борьбы. И одним из ярких симптомов этого отступления является выход в свет в журнале «Огонек» № 11 (главный редактор В. Коротич) статьи Л. Овруцкого «Цитаты для академика», где автор откровенно ставит перед собой задачу дискредитации Федора Григорьевича Углова — академика АМН СССР, внесшего неоценимый вклад в пробуждение и активизацию трезвеннического движения в стране. Книга Ф. Г. Углова «Из плена иллюзий» (в первом издании называвшаяся «В плену иллюзий») является фундаментом современной действительной антиалкогольной пропаганды. Благодаря этой книге десятки тысяч людей в нашей стране стали на путь борьбы за трезвость, осознав огромные масштабы национальной трагедии, которую принес нам алкоголь. Читательский спрос на книгу Углова столь велик, что «Роман-газета» сочла необходимым издать ее на своих страницах тиражом 3,5 млн. экземпляров.

Так вот именно эта книга и явилась в первую очередь предметом нападков журналиста Л. Овруцкого, который, судя по тону статьи, разом определил себя в ранг крупного специалиста в области борьбы за трезвость. И этот «крупный специалист» не счел необходимым найти что-нибудь положительное в книге Ф. Г. Углова. Он только тщится доказать, что книга эта имеет антисемитскую направленность. Однако убедительных фактов у Л. Овруцкого нет. Поэтому в ход идет длинная цепочка его собственных «умозаключений»: 1) Углов цитирует психиатра Сикорского; 2) Сикорский в 1913 г. в Киеве выступал экспертом на процессе Бейлиса и отстаивал позиции обвинения; 3) по поводу этого процесса одна черносотенная газета писала (где? когда? — ссылки нет): «Правительство обязано признать евреев народом столь же опасным для жизни человечества, сколь опасны волки, скорпионы, гадюки, пауки...» Но какое отношение имеет все это к антиалкогольным книгам Ф. Г. Углова? Складывается впечатление, что цепочка с Сикорским понадобилась Л. Овруцкому только для того, чтобы протащить на страницы массового советского журнала обвинения Ф. Г. Углова в антисемитизме, подорвать его авторитет.

Журналист Л. Овруцкий обвиняет Сикорского в том, что он однажды изменил научной добросовестности, поддавшись давлению властей, и предает его полной анафеме (и очень хочет, чтобы читатели сделали то же по отношению к Углову). А буквально через несколько строчек, бросаясь в защиту «ученых» Левина и Заиграева, которых Углов подверг жестокой критике за пропаганду теории «культурного» винопития, вдруг совершенно забывает о научной добросовестности и сообщает читателям, что «суть ведь не только и не столько в проповеди культуризма, сколько в соответствующих директивных указаниях, каковые эта проповедь обслуживала». Где же логика? Похоже, что логика волнует автора меньше всего. До какой степени нравственной деградации надо дой-

ти, чтобы следующую цитату из Углова: «Истинные борцы за трезвость обращаются прежде всего к патристическим чувствам и здравому смыслу народа», — сопроводить глумливым авторским комментарием:

«Знакомо, не правда ли? Напомню, что писано это не в 1937 или 1948 году, а на третьем году перестройки».

По-видимому, позицию автора наиболее точно определяет то самое слово, к которому он пытается прицепиться у Ф. Г. Углова: иноверец. И дело здесь вовсе не в национальной принадлежности, а в отношении Л. Овруцкого к проблемам и бедам нашей страны, советского народа.

Следует особо подчеркнуть, что книга академика Углова увидела свет еще в 1985 году, и то, что травить ее автора начали именно сейчас, думается, достаточно отчетливо характеризует положение дел в антиалкогольной борьбе.

Рассматриваемая публикация «Огонька», увы, не частность. В ней нашли отражение все приемы, которые используют сегодня для дискредитации идеи трезвости и ее сторонников. Но есть там и новое. Так, Л. Овруцкий объявляет, что отмена ленинского «сухого закона» сыграла существенную роль в индустриализации страны. Он пишет, что «сегодня, разумеется, можно спорить, насколько верна и нравственна идея финансировать социалистические преобразования «алкогольными деньгами», но таковы исторические реалии». Вот так! Выходит, сама жизнь опровергла ленинское положение о том, что алкоголь и социализм несовместимы?

Сегодня у нас, в Карелии, как и по всей стране, под видом упорядочения алкогольной торговли идет ее расширение. И можно ожидать, что завтра приведенное выше историческое «открытие» даст овруцким основание объявить всех борцов за трезвость саботажниками перестройки, которые не понимают важности алкогольных денег для ее финансирования.

Но, конечно, красная нить всей статьи — это муссирование тезиса, что сторонники «сухого закона» — непременно антисемиты и черносотенцы. В Петрозаводском университете 21 марта 1988 года состоялась встреча с корреспондентом «Комсомольской правды». Там корреспонденту был задан, в частности, вопрос о том, почему, по его мнению, при всей важности проблемы антиалкогольного воспитания молодежи в итоговом документе февральского Пленума ЦК КПСС о перестройке народного образования об этом не сказано ни слова, нет даже упоминаний о борьбе за трезвый образ жизни. Неожиданным для нас был его ответ: «Проблема эта сложная. Например, «Память» предлагает уничтожить всех евреев, другие — ввести «сухой закон». Но надо думать, ни второе, ни первое проблемы не решат». Как видно — знакомая «логика».

Принято на заседании бюро первичной организации ДОБТ
Петрозаводского университета 2 апреля 1988 г.

*Председатель ИВАНОВ А. В.,
секретарь СТАРКОВ В. В.*

О чем умалчивает Лев Овруцкий?

Мы целиком согласны с общей оценкой ситуации, наступившей в борьбе за утверждение трезвости, данной членами первичной организации ВДОБТ из Новосибирска («Наш современник», 1988, № 3). Поддерживаем сформулированные ими «Замечания и предложения по работе ВДОБТ» и «Общие предложения по превращению в жизнь ленинской антиалкогольной политики».

Мы благодарны вам, уважаемые товарищи, за вашу последовательную, наступательную позицию в решении поставленной ЦК КПСС перед всем народом и всей страной социальной задачи большой политической важности — утверждение в стране трезвого образа жизни.

Мы хотели бы высказать на страницах вашего журнала свое мнение о позиции, занятой в этом вопросе журналом «Огонек», и нашу точку зрения на статью Льва Овруцкого «Цитаты для академика» («Огонек», 1988, № 11).

Почти в каждом номере журнала «Огонек» помещаются материалы, повествующие о том, что сотни тысяч людей были уничтожены у нас в стране в период культа личности. Делаются попытки дать ответ на вопрос, кто в этом виноват. В то же время тот факт, что сейчас ежегодно по вине алкоголя погибают многие сотни тысяч наших братьев и сестер, ежегодно рождаются десятки тысяч дебилов, ежегодно около полумиллиона пополняют ряды алкоголиков, непрерывно увеличивающих многомиллионный контингент граждан страны с самым передовым общественным строем и самой передовой идеологией, которым предстоит жить и доказывать преимущества этого строя и этой идеологии, в

XXI веке, — этот факт журнал «Огонек» предпочитает не замечать и уж тем более не искать ответа на вопрос: «Кто в этом виноват?»

Не случайно, мы считаем, «Огонек» предоставил свои страницы человеку, пытающемуся бросить тень на академика с мировым именем, академика-патриота, стоящего во главе развернувшегося в стране трезвеннического движения.

Чем же недоволен автор статьи «Цитаты для академика» Лев Овруцкий?

В частности, тем, что Ф. Г. Углов в книге «В плену иллюзий» (которая, к неудовольствию Л. Овруцкого, издана огромным тиражом), говоря о торговле алкоголем в дореволюционной России, употребил слово «иноверец», которое — о ужас! — возможно, взято из лексикона Святейшего Синода. О чем думал, спрашивается, С. И. Ожегов, включивший в «Словарь русского языка», вышедший после Великой Октябрьской социалистической революции и неоднократно переиздававшийся, этот термин и утаивший от читателей столь страшное его происхождение.

Лев Овруцкий обвиняет Ф. Г. Углова в том, что он «оперирует ложными оценками и сомнительными фактами», характеризует торговлю спиртным в Минской губернии, поскольку берет их, как указывает Овруцкий, из работы дореволюционного экономиста А. П. Субботина. Но каковы же, по мнению Овруцкого, «несомненные» факты? Почему «Огонек» не обнародует их?

Поскольку Л. Овруцкому очень хочется казаться объективным, ему не мешало бы привести статистику о принадлежности питейных заведений по всей Российской империи. Стоило бы объяснить читателям «Огонька», почему введение государственной водочной монополии в 1894 году было расценено еврейскими буржуазными реакционными кругами как акт антисемитизма со стороны русского правительства, а также поведать о «короле» питейных заведений России — Евзеле Гинцбурге и о территории, на которую распространялась его «империя».

Таковы, увы, исторические реалии, и не след их переписывать и пытаться скрыть под предлогом поисков объективной истины.

Попытки обвинить Ф. Г. Углова в тенденциозности, внеклассовом подходе, в том, что он пытается оставить в тени роль царского правительства в спаивании народа, рассчитаны на тех, кто не знаком с его работами по данной теме. Достаточно привести всего несколько цитат из его книги «В плену иллюзий», чтобы стала ясна вся вздорность подобных обвинений:

«...Увидев в производстве спиртных напитков возможность обогащения, к спаиванию народа приобщились эксплуататоры разных рангов — до царского правительства включительно»; «...Классовые интересы превыше всего! Буржуа, крепостнику, монарху нужен послушный его воле раб, бессловесная скотина. Отсюда и насаждение кабаков, трактиров. Когда работник глушит себя водкой, ему не до политики, не до революции. Здесь интересы капиталистов смыкались с интересами помещиков, царского режима. Поэтому пьянство широко насаждалось».

Федор Григорьевич, как честный, принципиальный коммунист-патриот, не скрывает своего отношения к людям, саботирующим постановления ЦК КПСС и правительства, травящим его народ, губящим будущее его родной Отчизны, будущее социализма, и называет их своими именами, что очень не нравится Овруцкому.

Как же он сам относится к таким деятелям, неужели по-другому?

Ф. Г. Углов в числе других 28 академиков-врачей еще в начале 70-х годов обратился с открытым письмом к правительству, в котором обосновывалась необходимость принятия срочных мер для достижения в стране трезвого образа жизни. В борьбу с алкоголем он — хирург, а не нарколог — включился более 30 лет назад, и никакие застойные явления и «директивные указания» не заставили его изменить своей позиции.

Лев Овруцкий пытается привлечь в свои союзники В. И. Ленина. Только очень нелепо это выглядит. Да, действительно, Ленин говорил, что привычка миллионов людей является страшной силой. Но он говорил также и то, что «мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест...» (ПСС, т. 33, с. 90). Все, что направлено на обеспечение здоровья народа, в том числе ликвидация продажи алкогольного яда, будет им поддержано — в этом не может быть никакого сомнения. Наш народ еще не превратился в пьяное безмозглое стадо, для которого рюмка водки ценнее всего на свете, хотя и есть у нас сейчас, к сожалению, немало людей, для которых без спиртного нет смысла в жизни. А вот третигование пьющих при наличии государственной продажи алкоголя вызывает у людей внутренний протест. Не случайно так вяло шла и идет борьба с пьянством. И если ссылаться на Ленина в данном вопросе, то лучше вспомнить еще раз его слова о том, что коммунисты, как бы выгодно это ни было для торговли, водкой и прочими дурманами торговать не будут.

«Сухой закон» — это необходимое условие построения града трезвости, потому-то и ополчились на него все, кто в душе лелеет надежду, что наш народ повторит судьбу североамериканских индейцев.

«В Стране Советов, где основная твердьная алкоголизма разрушена, — пивсад более 60 лет назад директор Государственного института социальной гигие-

ны профессор А. В. Мольков, — остается только расчистка путей для победоносного шествия системы противоялкогольных мероприятий, во главе которых должна стоять мера, которая тоже была до известной степени подготовлена колоссальным социальным экспериментом прошлого времени, именно — полное запрещение изготовления и распространения спиртных напитков».

Что же касается позиции наших социологов, то следовало бы Овруцкому вспомнить статью Б. и М. Левиних «Без любительского подхода» («Советская Россия» от 15.03.84), в которой авторы, встревоженные нарастанием общественного антиалкогольного протеста, пытались запугать общественность, намекая на то, что наша экономика развалится без алкоголя, ибо треть продовольственного и одна шестая часть общего товарооборота приходится на торговлю спиртным. И очень уж они сетовали на то, что у нас имеются кандидаты наук по хоккею и другим видам спорта, а нет ни одного кандидата наук социолога по алко-гольной проблеме. А посему, следует понимать, надо еще попить и подождать, когда они появятся и скажут, что делать.

Небезынтересен и следующий факт из «творческой» деятельности этих «специалистов». В 1981 году на конференции в Дзержинске в своем докладе Б. и М. Левиних говорили, что «один из наиболее актуальных, жизненно важных вопросов антиалкогольной политики касается ее конечных целей: необходимо четко и недвусмысленно сформулировать позицию по поводу ведущей идеи — то ли мы провозглашаем главной целью достижение всеобщей абсолютной трезвости с введением «сухого закона», то ли довольствуемся достижением всеобщей умеренности и культуры потребления спиртных напитков. От того, что мы провозгласим нашей целью, во многом зависит выбор методов, форм и средств борьбы». Естественно, что они тогда ратовали за всеобщую культуру потребления. После мая 1985 года, когда достижение трезвого образа жизни было провозглашено государственной политикой, казалось бы, им, если они принципиальные, последовательные, честные специалисты, следовало бы выступать за «сухой закон», но они предпочли забыть о том, о чем они говорили всего четыре года тому назад, и рьяно выступают против. Как, интересно, оценивает Овруцкий такое поведение специалистов?

Неожиданным для нас оказалось мнение Овруцкого, что восстановили мы свое разрушенное империалистической и гражданской войнами хозяйство благодаря отмене «сухого закона». Неожиданным потому, что автор «Огонька» здесь полностью встает на точку зрения Сталина... А не являлась ли отмена «сухого закона» одной из предпосылок последующих репрессий? Совершенно ясно, что политику террора легче было проводить после того, как алкогольный дурман подорвал основы самосознания (а значит, и самозащиты) общества! Что же касается народного хозяйства, то оно было восстановлено не благодаря водочной монополии (ее ввели спустя более года после смерти В. И. Ленина, в августе 1925 года), а в результате мудрого решения Ленина о переходе к новой экономической политике — нэпу.

О влиянии торговли спиртным на экономику страны можно судить по тому, что уже спустя всего два года после отмены «сухого закона» на XV съезде партии в декабре 1927 года о водке говорилось как о минусе в бюджете и что надо начать свертывание производства водки вплоть до нуля. Полностью прекратить производство и продажу водки и пива предполагалось к концу второй пятилетки. По некоторым оценкам, при чистом доходе от продажи спиртных напитков в 1927/28 гг. в 728 млн. руб., убытки народного хозяйства за тот же период времени составили 1 млрд. 270 млн. руб. Вот как влияла торговля алкогольными наркотиками на экономику страны уже в то время.

В истинных причинах отхода от ленинской политики в алкогольном вопросе историкам еще предстоит разобраться.

Демонстрацией незнания вопроса служит и следующий выпад Овруцкого против Ф. Г. Углова:

«Равным образом утверждение Ф. Г. Углова: «Принудительная трезвость, введенная в 1914 году, привела страну к полному отрезвлению со всеми его благоприятными последствиями», — приходит в противоречие и с известными фактами, и с его же тезисом, согласно которому в капиталистических странах «подобный закон не может быть проведен в жизнь в силу эксплуататорских условий жизни».

Следовало бы знать Овруцкому, что спустя немногим более двух лет после введения «сухого закона» в России произошла Февральская, а вскоре и Октябрьская революции, чему, несомненно, способствовала трезвость народа. Недаром член президиума ЦК ВКП(б), ученик Ленина, рабочий-металлист Семков С. М. писал: «...и трезвый Октябрь победил».

В Финляндии и США, где тоже были введены «сухие законы», первое время результаты их также были весьма благотворными. Однако в дальнейшем именно из-за капиталистической сущности этих стран получили развитие негативные явления, приведшие к отмене «сухого закона». Отменены они были под давлением общественности, недовольной недостаточной активностью и непоследовательностью правительства в их проведении. В СССР же отмена ленинского закона была осуществлена вопреки мнению народа, о чем свидетельствуют материалы тех лет.

Не совсем ясно, какой серьезный поворот в антиалкогольной борьбе узрел

Овруцкий, сам же отмечающий, что значительное число людей относит себя к сторонним наблюдателям в этом деле. Стоило бы ему повнимательней посмотреть по сторонам и почитать публикации последнего времени на эту тему. Не случайно ведь и три года спустя после выхода известных партийно-государственных документов ЦК КПСС и правительство вынуждены неоднократно возвращаться к этому вопросу.

Иезуитский это способ действий — облачившись в тогу правдолюбца, пытаться скрыть и подвергнуть сомнению известные исторические факты, выхватывать из контекста отдельные слова и цитаты для подтверждения своих домыслов, выдавать желаемое за действительное и всячески стараться скрыть при этом свое личное отношение к рассматриваемой проблеме.

Ссылка Овруцкого на статью Г. Петрова, предвзятость и тенденциозность которой уже отмечалась в нашей печати, свидетельствует явно не в его пользу.

Непонятно нам, какой вклад рассчитывала внести редакция «Огонька», публикуя статью Овруцкого, в развернувшуюся в стране борьбу за перестройку, за трезвое будущее наших детей и внуков.

Желаем вам, уважаемые товарищи, всего самого наилучшего.

**В. ЗЫРЯНОВ, МЕДВЕДЕВЫ,
БЫКОВЫ, КУЗЕНКОВЫ, ГОРЕЛОВА, КОЗЛОВСКАЯ и др.,
г. Вобруйск.**

Не «вперед забежали», а, не добежав, упали...

Самогонование, токсикомания, очереди за спиртным «со всеми вытекающими отсюда последствиями» и даже «искусственное создание дефицита спиртных напитков» — вот, мол, к чему привели административные меры, направленные на ограничение доступности алкоголя. Сказано это не в очереди за спиртным — в газете «Известия» (01.03.88). Справедливы ли газетные обвинения?

Начнем с «искусственного создания дефицита спиртных напитков». Меры по сокращению числа питейных точек действительно преследовали цель перейти от практики «пей — не хочу» к противоположной — «хочу выпить — не хватает на всех», что, по определению, и называется дефицитом. Тут вопрос в другом: способствует ли такая нехватка «насуточно необходимого продукта» отрезвлению населения? Сами же противники очередей подтверждают — способствует. Вспомните, сколько раньше было удобных поводов для выпивки! Пришел к тебе товарищ — бежишь в магазин, «одна нога здесь — другая там»... Теперь не «сбегаешь». Вроде бы и не стал убежденным трезвенником, а поводов выпить прибавилось. По-видимому, предвидя эту ситуацию, Энгельс писал, что увеличение доступности алкоголя — одна из причин распространения пьянства.

Кстати, интересно, как товарищи В. Огородников и В. Баркун из ГУООП МВД УССР предполагают устранить «искусственно созданный дефицит»? Ведь ни «значительное увеличение числа винных магазинов», ни «хорошая организация торговли» в них не решат проблемы, если продажа самого дефицитного продукта ни на грамм не увеличится, в чем нас пытаются убедить («У сотрудников милиции такое мнение: объем продажи спиртного, разумеется, ни в коем случае увеличивать не надо...».— См. «Московские новости», № 44 за 1 ноября 1987 г.). Тут есть, несомненно, какая-то хитрость! Ключ к разгадке дает (в тех же «МН») заместитель начальника УБХСС В. Васильев, по подсчетам которого «при продуманной организации доставки в магазины и самой торговли всю положенную Москве водку можно распродать в установленные часы практически без очередей». А что, разве сейчас продают не всю «положенную» Москве водку? В том-то и дело! Торговля регулярно отказывается от большей части водки, которую имеет право (?) продать... Основной поставщик (водки.— С. С.), завод «Кристалл», вынужден самостоятельно искать рынки сбыта продукции. И находит их в Московской области. С чего бы, спрашивается, кошке отказываться от мяса, а торговле — от наипростейшим способом «зарабатываемой» выручки? Они бы с удовольствием, да просто не успевают реализовать ходовой товар «в установленные часы». Вот вам и разгадка. Опровержение закона сохранения материи снова не состоялось...

А печальный вывод из этой «веселой» истории состоит в том, что нас призывают (да, собственно, уже и делают) вновь увеличить продажу алкоголя. Утверждается, что «мы несколько «забежали» вперед, не подкрепив запретительные меры широкой воспитательной и профилактической работой» («Известия», 03.03.88), и, стало быть, теперь надо отступить назад, увеличивая продажу алкогольного наркотика, вместо того чтобы подогнать отстающий фронт воспитательной работы. Думается; кстати; что такое бегание «взад-вперед» не способствует проведению воспитательной работы.

Теперь перейдем к обвинению в увеличении самогеноварения и токсикомании. И здесь товарищи из МВД правы. Действительно, вместо того чтобы толкаться на морозе за «сильнейшим ядом нервно-паралитического действия, опаснейшим наркотиком», кое-кто предпочитает немного покумекать да сделать такую же гадость самому (кто, конечно, пока еще может «кумекать»). Однако не нынешнее сокращение продажи алкоголя является причиной самогеноварения. Причина — в расширении такой продажи, начавшейся 60 лет назад. И если бы за эти 60 (а особенно последние 30) лет в народе не сформировалась устойчивая «потребность» одурманиваться во всех случаях жизни, то никто и не набросился бы сейчас на самогон. Если бы за последние 30 лет (1950—1980) мы не наращивали индустрию опьянения в 20 раз быстрее темпов роста населения, — не было бы у нас 4,6 млн. официальных алкоголиков (и еще столько же — «рядовых» пьяниц), готовых пить даже тормозную жидкость... Тут, я слышу, кое-кто со мной не согласен: хрен, мол, все-таки слаще (В. Васильев: «Большинство из этих средств гораздо опаснее для здоровья, чем алкоголь, известный медикам достаточно хорошо»). Хотя и говорят, о вкусах не спорят, но давайте все же поспорим, ибо вопрос «смертельно важен». США: согласно правительственной оценке, основанной на свидетельствах о смерти (недавнее исследование показало, что свидетельства о смерти часто скрывают связь с алкоголем), в 1987 году алкоголь унес 100 тысяч жизней американцев, что в 25 раз больше, чем кокаин, героин и другие запрещенные наркотики, вместе взятые («Советская Россия», 08.01.88). «Во всем мире в настоящее время наиболее часто злоупотребляют алкоголем и производными индийской конопли (гашиш, марихуана и др. — С. С.). При этом злоупотребление алкоголем имеет более серьезные социальные и медицинские последствия» («Импакт» («ЮНЕСКО»), 1985, № 1). А как обстоят дела у нас? В прошлом году вследствие употребления химических препаратов и жидкостей погибло 11 тысяч человек. Плохо? Скверно, кто же спорит. Но давайте подсчитаем, сколько людей ежегодно убивает химический препарат C_2H_5OH , такова формула этилового спирта. В 1986 году смертность по сравнению с 1984 годом снизилась (известно, по какой причине) с 10,8 до 9,9 человека на 1000, то есть мы сберегли от несчастных случаев, убийств, отравлений этим «пищевым продуктом» более 250 тысяч жизней сограждан.

Самогеноварение плохо — кто с этим спорит. Это и преступность под влиянием дурмана, это и отравления, и разрушение всякой нравственной основы человека. Но ведь, извините, то же самое, но в большей степени можно сказать и об узаконенной торговле алкоголем. Подсчеты показывают, что наиболее крупным очагом пьянства на сегодня остается легальный очаг, который в 1986 году давал 4,4 л на душу (по сравнению с 2 л на душу самогонки в 1987 году). И даже тогда, когда он станет меньше, — даже 100 граммов (на душу), — само наличие легализованного наркотика будет служить моральным оправданием и надежной ширмой для самогонщиков.

Теперь о том, что самогонщики якобы наносят огромный вред госбюджету (такая точка зрения нередко появляется в газетах). Да, деньги, которые гребут самогонщики, могла бы получить и госказна, если бы захотела (точнее, если бы ей позволили это сделать). Кстати, на мой взгляд, здесь нет никакой конкуренции, так как весь «положенный» алкоголь все равно продается. Могла бы существенный доход получить и от продажи других, «менее вредных» наркотиков (гашиш, опиум и т. д.). Могла бы, наконец, иметь бешеные дивиденды от открытия публичных домов или обложения проституток «подходящим налогом». Но ведь еще Ленин говорил, что «в отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли...» и т. д. По-моему, ясно, что не стоит государственной казне зариться на такие с дурным запахом деньги, прекрасно зная им цену.

Так что же нам делать с «пьяной» очередью? То, что она зло, — с этим я согласен. Но как ликвидировать очередь? — на этот счет точки зрения существенно расходятся. Мое убеждение — не нужно расширять алкогольный прилавок и стремиться к «всемерному удовлетворению потребностей», а расширить нужно — и очень существенно — газетные полосы, отводимые под пропаганду трезвости, призывающие людей не стоять в очередях за наркотиком, не «создавать спрос», которым торговля умело пользуется. Нужно убеждать людей, для которых отказ от алкоголя — малая жертва, принести эту жертву не для себя (кого убедить, что, выпивая три-пять раз в году, серьезно подорвешь здоровье?) — для других. Ведь пока мы поддерживаем, одобряем привычку пить по праздникам и, стало быть, требуем, чтобы этот продукт всегда стоял в магазинах и был доступен, — до тех пор будут совершаться убийства одурманенными алкоголем людьми, до тех пор алкоголь будет сбивать нашу молодежь с истинного пути, до тех пор к миллиону детей, брошенных родителями, будут ежегодно добавляться еще 100 тысяч, до тех пор ни в чем не повинные детишки будут рождаться уродами и дебилами. Даже если в вашем доме все нормально и лично вам алкоголь ничего плохого не сделал, но зная, какое опустошение производит он в стране, — разве можно стоять в стороне от борьбы за трезвость и, более того, привлекать этого «убийцу» как самого почетного гостя по самым большим праздникам и сажать за свой стол?!

Предлагаю взрослым гражданам нашей страны, «употребляющим» «хим-препарат веселья» только по праздникам (а таковых у нас большинство), переосмыслить свою роль и свое место в борьбе против всенародного бедствия, каким является алкоголь во всех его проявлениях (со «вкусовыми» добавками или без таковых). А когда победит трезвость — никто из нас не останется в проигрыше.

С. СЕВАСТЬЯНОВ, кандидат физико-математических наук,
Новосибирск.

С кем вы, хранительницы очага?

Собирая материал о деревне 20—30-х годов и первых послевоенных лет, я неожиданно для себя выяснил, что примерно до середины 50-х годов деревня если и не была трезвенницей, то и выпивками по всякому поводу не увлекалась. Несколько портят картину так называемые престольные, или, как их чаще называют сами деревенские жители, годовые праздники, но и вокруг них существует немало преувеличений и предрассудков.

Одно из воспоминаний послевоенного детства: по окончании праздника отец затыкает самодельной бумажной пробкой бутылку с недопитой водкой и ставит ее в темный угол комода. Стояла она там до следующего праздника и за год, случилось, выдыхалась из-за ненадежности пробки.

Отец исключением не был — исключением скорее были те, кто, пользуясь случаем, то есть праздником, пил направо. Были, конечно, и драки — особенно между парнями издавна враждовавших деревень, но корни их не в пьянстве. Хмельные раздоры между своими обычно гасились в самом начале, причем в роли примирителей всегда выступали женщины. Они были ангелами-хранителями праздников, и прежде всего благодаря их неусыпным стараниям хмельная стихия обычно не выходила из берегов.

Вспоминаю свою мать за праздничным столом, приготовленным ее неустанными трудами. Перед мужчинами, благодушно расслабленными по случаю долгожданного торжества, стоят стопки с водкой, перед нею — неизменно — крохотная рюмочка с чем-нибудь «послабже», обычно с какой-нибудь наливкой. И это было все, что она позволяла себе выпить за компанию. Одну-единственную на весь праздник двадцатипятиграммовую рюмочку наливки. То же самое могу сказать и о сестрах отца. О других деревенских женщинах. Это несколько не мешало им оживленно поддерживать разговоры и веселье за столом. Мать моя певуньей не была, песню поддерживала только в хоре, а вот старшая сестра отца, тетя Тоня, так, бывало, заведет «Тонкую рябину», что сразу же под сердце подкатит что-то неизбежно щемящее. Песни, заводимые или охотно поддерживаемые женщинами, были той первой паузой, которая необходима была для того, чтобы отвлечь мужчин от возлияний. Обязательными были и прогулки вдоль деревни, когда все — и хо-

зяева, и гости — одновременно поднимались из-за стола и, праздничные, нарядные, выходили на улицу, чтобы, взяв друг друга под руки, пройти по ней не спеша туда и обратно — как говорят в таких случаях, других посмотреть и себя показать. Надо ли говорить, что подзахмелевшие мужчины возвращались к столу уже «проветренные». Потом все повторялось сызнова — с обязательностью ритуала, за соблюдением которого опять-таки следили прежде всего женщины, неизменно трезвехонькие и веселые. Это они не давали мужчинам чересчур увлекаться спиртным и доводить себя до состояния, когда человек перестает помнить себя и понимать окружающих. Контроль был строгий и надежный: жена смотрела за мужем, мать — за сыном, сестра — за братом*. И, надо сказать, мужчины, как правило, подчинялись, не бунтовали, как это нередко бывает теперь, когда женщины словно бы сняли с себя считавшийся некогда запрет на спиртное и тем самым лишили себя морального права предъявлять им свой счет.

Кстати, строгий сей счет распространялся не только на родственные отношения. Помню хорошо многолюдные молодежные гуляния послевоенных лет в бревенчатом, перестроенном из обыкновенной избы деревенском нашем клубе. Пьяных на них не было. И дело здесь не только в материальных трудностях тех лет. Уважающая себя девушка пьяного парня к себе просто-напросто не подпустила бы. Скажу больше, парень, ославивший себя пристрастием к выпивке, рисковал вообще остаться бобылем. Таков был граничивший с диктатом женский счет к пьяницам и к пьянству в старой нашей деревне, прерывательно именуемой иными трибунами оракулами патриархальной.

Честное слово, цивилизованному городу не грех было бы кое-чему поучиться у этой замшелой патриархальности. И если позволительно высказать здесь одну спорную мысль, попробую высказать ее в наиболее мягкой форме: воздействие города на деревню далеко не во всем было благотворным. Не убежден, например, что разрушение народной песенно-музыкальной культуры под воздействием ра-

* Тех, кого заинтересует ритуально-нравственная сторона застолий в нашей русской деревне, — отсылаю к великолепной книге В. Белова «Лад».

дио, телевидения, звукозаписывающей и звуковоспроизводящей аппаратуры можно занести в актив городу. Касается это и отношения к спиртному. Кабак, трактир были чисто городским изобретением. Обращаясь к дядя совсем недавним, хочу спросить: не слишком ли часто шефские выезды на село превращались в очередной повод для коллективной попойки? Искони русская деревня была строга к бездумному, беспричинному пьянству. Не стоит, однако, слишком идеализировать ее — пьяницы в ней были всегда, в семье, известно, не без уroda. Но вот что характерно: в деревне они не уживались. Нравственная атмосфера вокруг них была совершенно определенной — их презирали. В двадцатые годы по причине чрезмерного пристрастия к спиртному уехал из наших Богатищ брат моего деда Василия Ивановича, великого трезвенника. Уехал — и сгинул. Бросил жену, детей, а взамен увез с собой женщину со странной для деревни прозвищем — Скрипка, которая тоже оставила семью. Вместе гнали самогон, вместе пили его. Случай, единственный в истории нашей деревни, можно сказать, уникальный и именно потому, что в нем замешана женщина.

Теперь случаи женского пьянства, к сожалению, исключением не назовешь. А то, что случилось пять лет назад в селе Красное, что в трех верстах от Палеха, вообще трудно поддается осмыслению. Действующие лица в этой трагической истории — две доярки: одна коренная, местная, другая приезжая, бывшая горожанка. По какому случаю состоялась пьянка, сказать не могу, происходила она на дому у приезжей доярки, где та проживала в крошечном одиночестве. К тому же она курила, что и сыграло в этой истории роковую роль. Читатель, привыкший опережать автора, видимо, уже предположил, что женщины перепились, а зажженная сигарета упала на пол... Так оно и было, однако пожара не произошло. Изаба была по-зимнему закупорена наглухо, и половики только тлели, наполняя комнату чадом. Они мгновенно вспыхнули, когда доярок хватились и взломали запертую изнутри дверь. Обе женщины, как и две впущенные ими с улицы собаки, угорели насмерть...

И вновь вспоминается мать, ее сверстницы и подруги, деревенские женщины, как строги они были к спиртному — этой огнеопасной жидкости, красиво разлитой по бутылкам. И тем более удивляет легкомысленное отношение к ней иных современных женщин. Вот одно из не очень давних наблюдений. Есть в Иваново продовольственный магазин, в котором еще два года тому назад продавали спиртное прямо в гастрономическом отделе, вместе с пельменями, рыбой, консервами. Продавали «благородные» вина — сухие, шампанское, коньяк. Раскупающая их публика тоже была по преимуществу благородной — интеллигентного вида мужчины с портфелями и... женщины. Первоначально мне представлялось, что стоят они за...продуктами, но однажды я обратил внимание, что редкая из них

отходит от прилавка без бутылки вина, а то и нескольких. На это обстоятельство обратили внимание и две пожилые женщины, которые стояли в сторонке и разговаривали. Одна из них высказала предположение, что винами запасаются на Новый год, до которого было, однако, целых полтора месяца. Другая возразила: «Полно, мужьям своим берут, чтобы дома сидели, а не слонялись по темным углам да подворотням». Наверное, были в очереди женщины, которые запасались вином на Новый год, вероятно, стояли в ней и те, что покупали его мужьям, чтобы они комфортно потягивали «Тамянку» или «Ркацители», сидя в домашних креслах и наблюдая по телевизору перипетии хоккейного матча. Однако пришлось мне быть невольным свидетелем и другого разговора — уже в очереди. К женщине, стоящей впереди меня, подошла ее знакомая с чеками, попросила пропустить ее, а заодно поинтересовалась, за чем та стоит. Ответ был несколько неожиданным: «Да вот «Тамянки» хочу купить. Девочки из отдела просили». По какому-то поводу у них там «междусобойчик» намечался...

Обратите внимание на винные очереди. Женщины стоят в них наравне с мужчинами, и почему-то никого это не смущает. Одно из следствий эмансипации? Если так, против нее должны восстать сами женщины. Но пока что они невозмутимо становятся в очередь, в которой и мужчине-то иному неловко стоять? Кто они? Кому покупают вина и водку? Мужу? Сыну? Брату? Или же это «девочки из отдела», позабывшие, что день рождения можно отметить задушевно и просто — чаем с тортом?..

Раздумывая, чем бы завершить эту главу, я вышел на крыльцо деревенского дома, вынул из ящичка почту и развернул выписываемую отцом районную газету. Взгляд упал на статью, напечатанную по результатам рейда за здоровый быт. Пробежал ее и невольно выделил слова, сказанные продавщицей сельского магазина участникам рейдовой бригады: «Водку в обычные дни покупают женщины, как это ни удивительно...»

Удивительно. Не правда ли?

Если пьет муж, семья держится только долготерпением жены. Но рано или поздно оно кончается, и семья рушится. Если пьет жена... Мысль, взявшая было разбег, спотыкается. «Неужели такое бывает?» — невольно спрашиваешь себя. Редко, но бывает. Итак, если пьет жена, то пьет, как правило, и муж, и семья держится... на общем их пристрастии.

Лет пять назад в нашей деревне появилась одна такая семейка: муж, жена и ребенок — тогда дошкольного, ныне школьного возраста. Приехали они из соседнего колхоза, откуда их выгнали за чрезмерное пристрастие к спиртному. В одном месте выгнали, в другом приютили — картина знакомая. В нашем колхозе «Верный путь» Палехского района остро, хронически не хватало доярок. Поэто-

му переселенцев хоть и без особой радости, но приняли в колхоз — дали дом, дали работу. Жена устроилась на ферму дояркой, муж — в бригаду разнорабочим. Пить не бросили, а вскоре произошёл один из тех случаев, которые в течение более или менее длительного времени питают деревенские толки и пересуды.

Однажды в бригаду приехал с проверкой ответственный районный работник. Он заглянул на нашу Богатищенскую ферму и обнаружил на ней группу недоёных коров. Расспросив доярок и поняв, что тут и к чему, представитель района прямо-хонько направился к дому, предоставленному колхозом новоприбывшим. Муж сидел за столом, перед ним красовалась початая бутылка водки. «Где жена?» — последовал вопрос. «На ферме», — был краткий ответ. Видя, что разговаривать с мужем бесполезно, представитель района распахнул дверь в переднюю и увидел следующую картину: жена спит на кровати, а перед нею на табуретке стоит наполненный водкой стакан.

Известных антиалкогольных указов тогда еще не было, и супругам все сошло с рук. Ну, а после указов они, может быть, образумились, остепенились? Ничуть не бывало. Трудность теперь только одна: где достать спиртное? В нашем деревенском магазине из ассортимента его исключили. Приходится ездить за ним за пять километров в соседнее заводское село, а то и за все десять — в Палех. Ничего, ездят. Запасают впрок, пьют по-прежнему. «И что же, — спросит непримиримый к алкогольному злу читатель, — так все им и сходит?» Представьте себе, сходит, и чтобы увидеть возможный финал, придется обратиться к истории другой семьи, которая теперь уже не существует, только обломки — как после кораблекрушения.

Точно не помню, когда появились они у нас в Богатищах — где-то в начале шестидесятых. Глава семьи был из наших краев, в молодости, помню, неплохо играл на гармонии, и нередко его можно было встретить в клубе, в Иванькове. Потом, как и многие тогда, уехал в город. Там женился, а через несколько лет вернулся в родной колхоз. Он работал трактористом, она — дояркой, зарабатывали немало, денег на разгульную жизнь хватало. Не стали помехой дети — девочка, старшая, и мальчик.

Пьяный угар тогда был всеобщим, и одной из причин тому вижу возросший личный достаток, не подкрепленный духовными приобретениями. Можно сказать иначе: отставание уровня духовной культуры от уровня материального благополучия. Мне возражат: а как же интеллигенция? Ведь тут как раз все наоборот. А между тем и интеллигенция, в том числе самая что ни на есть творческая, отдадала дань — и немалую — отнюдь не только облагороженным коктейлям и шампанскому. Да, это так, и тому есть своя причина. Мы объявили теперь беспощадную войну бюрократизму, карьеризму, серости. Но ведь тому предшествовали дол-

гие и медленные годы, когда все это прорастало, укоренялось, сплеталось корнями и ветвями — занимало глухую оборону. Против кого? Против того, что бюрократизму и серости, всегда существовавшим в неразрывном единстве, угрожало, — молодой дерзости, талантливости, неординарности. Истинный талант, натолкнувшись на плотину, возведенную перед ним серостью и бездарностью, либо идет на таран и разбивает голову, либо замыкается в себе, что бывает чаще, и обращается, как к утешению, к бутылке. И так, с одной стороны, духовность нереализованная, с другой — духовность не востребуемая — вот, на мой взгляд, двуединая причина пьянства, поразившего нас наподобие эпидемии.

Но вернемся к нашей прерванной истории. Что там было дальше? Ответ удручающе однозначен: водка. Правда, была еще работа. Ради нее, водки. И еще были предоставленные самим себе дети. Девочка подростка и могла уже смотреть за младшим братишкой, а также выполнять самые необходимые дела по дому. Отец и мать дома, в основном — пили. Перед работой опохмелялись, после работы напивались. И так изо дня в день.

Работа ради водки радости не приносит. Других радостей не было. Водка приносила только забвение, а в момент протрезвления — физические муки и душевную смуту. Избавление от них было одно: водка. Жизнь замкнулась в порочном круге. Разорвать его можно было лишь одним способом — бросить пить. Сил на этот шаг не нашлось. Глава семьи не выдержал душевного опустошения, покончил с собой. А что же жена, теперь уже вдова? Может быть, ужаснулась тому, что произошло? Может быть, вспомнила, что она еще и мать двоих детей? Ничуть не бывало. Она уехала из деревни и продолжала пить. Повзрослевшая дочь к тому времени жила уже самостоятельно, а сына взяло на свое обеспечение государство.

Нет повести печальнее на свете... Я видел мальчика уже после отъезда матери из деревни. С каким-то безнадежным, грустным упорством он ездил к ней по выходным из Кинешмы, где был приютивший его интернат, и по пути останавливался иногда в нашей городской квартире, у сына, который по старшинству ему покровительствовал.

Да, финал печальный. Но не самый трагичный. То, что случилось в одной из деревень Палехского района несколько лет назад, известно мне лишь понаслышке, а потому буду краток. В ней тоже были пившие без всякой меры муж и жена. И двое детей — девочка и мальчик. Зарплату родители пропивали всю до копейки. Случалось, сидели дома без хлеба. Однажды, когда отец и мать получили очередную зарплату и, по обыкновению, нарядились до бесчувствия, мальчик взял у них 25 рублей и передал сестре, чтобы та припрятала деньги на тот черный день, когда в доме не останется ничего съестного. Пропажа обнаружилась. Мальчик

ыл зверски избит и от побоев скончался.

Рука немеет и сердце обливается кровью, когда описываешь такое. Нет, нельзя сканчивать заметки этой ледящей душой историей. Нужна надежда. Специально я ее не искал, о ней позаботилась жизнь — та самая повседневная жизнь, которая доселе нас более огорчала, чем адовала. История эта, услышанная из первых уст, поразила одновременно и своей ростотой, и своей незаурядностью.

До меня и ранее доходили слухи, что еловек этот, давний и добрый мой знакомый, земляк по рождению, живущий в дном из подмосковных городов, бросил ить. Как-то с трудом в такое верилось, потому что хорошо знал этого человека и его «взаимоотношения» с бутылкой.

Родни в деревне у него не осталось, но, риезжая к сестре, которая живет неподалеку, в соседнем селении, он непременно и в родную свою деревню заглядывает. Пришел он и на сей раз. Увидел его на рыльце соседского дома, подошел поздравился. Спросил в разговоре, правда

ли, что бросил пить. Оказалось и в самом деле бросил, три года уже не пьет ничего, даже пива. Поинтересовался, как это ему удалось. «Испугался», — ответил он. И пояснил: допился уже до «представлений» — до чертиков, до галлюцинаций. Однажды его скрючило после одной-единственной бутылки «бормотухи». Очнулся после нее, как он сам выразился, весь в мыле.

И вот тут он испугался. За себя, за свою жизнь, так никчемно растрачиваемую. И бросил пить. В один день. Без всяких лечений, внушений и ухищрений. Не услышал бы об этом из первых уст, не поверил бы. Но он был передо мной, мой старый знакомый, такой же жизнерадостный, неутомимый говорун, каким знал его всегда.

МалOVERAM и специалистам, убежденным, что алкоголикам бросить пить можно только после длительного лечения, могут дать адрес этого человека. Не называю его только потому, что не попросил на то разрешения.

В. МАЗУРИН,
г. Иваново

Л. Толстой: «Согласие против пьянства»

Убежден, что главным тормозом в развитии нашего общества, особенно в последние два десятилетия, были и остаются жогольные традиции и их последствия. После майского (1985 года) постановления ЦК КПСС радовали всех нас выступления в средствах массовой информации признанных неформальных лидеров трезвеннического движения: Ф. Г. Углова, П. Дудочкина и др. Глубочайшее впечатление произвела на меня заметка в вете «Московская правда» (31.10.85) пиетеля Станислава Гагарина «Ставь, машина, самовар!», в которой он предлагал всем гражданам страны принять для бья трезвость не только как образ жизни, но в первую очередь как убеждение, чтобы иметь моральное право призывать и других к трезвости, горячо обращаться к известным писателям, знаменитым дождникам, популярным артистам и режиссерам выступить в прессе со страстным словом осуждения «жидкого дьявола».

Очень большие надежды в то время мы возлагали на намечаемое создание Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость. Но уже первые шаги в его создании заставили меня очень льно в нем разочароваться.

Во-первых. Вопреки общепринятым правилам создания любого массового, тем более добровольного, общества, проекты устава и программы не были вынесены на ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ. Критическое наше народное трезвенническое отношение (даже, можно сказать, наст-

рой) которого в то время было чрезвычайно высоким, был отстранен от непосредственного участия в его создании.

Во-вторых. В руководящие органы Центрального совета общества не вошел ни один (!) из признанных в нашей стране лидеров трезвеннического движения.

В-третьих. Этот келейный принятый устав был напечатан лишь через четыре месяца (!) после «создания» общества, микроскопическим шрифтом только в журнале (подписном) «Трезвость и культура», № 1, 1986 года, тиражом 589 390 экземпляров. И это все, что было сделано для популяризации самого массового и самого нравственного, по своей идее, общества. Более того, он (устав ВДОБТ) и до сих пор, в отличие от уставов всех прочих добровольных обществ, находится на положении документа «для служебного пользования» — в свободной продаже его не найдешь.

Последующие события окончательно убедили меня, что общество трезвости и дальше движется по наезженной колее наимахровейшего формализма. Например, на учредительную конференцию совета общества трезвости в нашей вышестоящей организации делегаты назначались в пожарном порядке, за час-два до ее открытия. Об уставе общества, разумеется, мы тогда никакого понятия не имели. На конференции, естественно, состав совета общества был назначен администрацией, нам оставалось лишь поднять за него руки.

Будучи к этому времени убежденным

трезвенником с настроем на бескомпромиссную борьбу за утверждение трезвого образа жизни и видя все это, я поначалу решил в такое общество не вступать. Тем более что после конференции у нас в учреждении о создании первичной организации общества трезвости немного поговорили и... забыли. Отвернулись от этого заформализованного, бюрократического объединения многие работающие рядом со мной высокообразованные интеллигентные люди.

А хотелось бы напомнить, что ведь именно по инициативе русской интеллигенции в конце прошлого века развернулось массовое движение за отрезвление народа России, за его нравственное и физическое здоровье. Заметьте, что интеллигенты начали эту борьбу, «ужасаясь перед страшным злом и грехом, которые происходят от пьянства» (в то время потребление алкоголя на душу населения было в три-четыре раза меньше, чем сейчас у нас с вами!). Движение возглавил Л. Н. Толстой, создавший первое общество трезвости в России (1887) — «Согласие против пьянства», в уставе которого было сказано: «...во-первых, для себя никогда не пить пьяного — ни водки, ни вина, ни пива, ни меда и не покупать и не угощать ничем пьяным других людей; во-вторых, по мере сил внушать другим людям, и особенно детям, о вреде пьянства и о преимуществях трезвой жизни и привлекать людей в наше согласие». За короткий срок им (Л. Толстым) было написано тринадцать статей против пьянства. Все это сыграло огромную роль в утверждении трезвеннических настроений в России, что в дальнейшем дало возможность перейти всему народу России в 1914 году на режим «сухого закона», который просуществовал в стране до 1925 года.

Да и в наше время сила писательского слова огромна. Ведь именно наши писатели-патриоты своими страстными статьями смогли предотвратить катастрофический для экологии поворот северных рек, разрезать миф о «неисчерпаемости» природных богатств страны. Велика их заслуга и в благородной борьбе за сохранение памятников истории и культуры, за чистоту окружающей среды.

А вот в решении вопроса о спасении от алкоголя высшего творения природы — человека — единодушия не только среди интеллигенции, но даже среди наших писателей, к большому сожалению, нет. Активно в защиту трезвости выступают лишь немногие из них: В. Белов, В. Распутин, А. Онегов, С. Гагарин.

Ни одного страстного и встревоженного слова против алкоголя я не услышал ни от видных артистов, художников, ни от кого-либо из многочисленной армии творческой интеллигенции — создается впечатление, что слово ТРЕЗВОСТЬ они или забыли, или попросту разучились выговаривать. Неужели они не видят, что «жидкий дьявол» без тяжелой борьбы позиций своих не сдает, что без их, революционному, включения в утвержде-

ние трезвости в нашем обществе — столь необходимого фактора для перестройки и ускорения — нам не обойтись.

На этом фоне полнейшего бездействия писатели-трезвенники Московской писательской организации, создавшие у себя поистине боевую ячейку борьбы за трезвость, представляют в настоящее время единственный оазис трезвости среди многочисленных творческих союзов столицы. Более того, я бы сказал, являются авангардом трезвеннического движения страны.

В Москве они уже успели выступить на заводах и учреждениях, в Министерстве культуры СССР, на организационном собрании первичной организации ВДОБТ трудников библиотеки им. В. И. Ленина, были инициаторами встречи активистов борьбы за трезвость в Центральном Доме литераторов, организовали высоко оцененную зрителями телевизионную передачу «Чаепитие в ЦДЛ».

В январе этого года мне довелось присутствовать на заседании бюро ячейки трезвости в ЦДЛ с участием ответственного секретаря краснопресненского районного совета ВДОБТ Калугина Валентина Алексеевича, который в своем выступлении дал высокую оценку деятельности московских писателей-трезвенников, а также попросил их помочь ему создать ячейки трезвости в других творческих союзах района: архитекторов, художников, кинематографистов...

Как участник Великой Отечественной войны, считаю своим долгом сказать правду о «наркомовских 100 граммах». Сам факт введения «наркомовского» алкоголя явился фактически «зеленым светом» к безудержному пьянству не только в Красной Армии, особенно на конечном этапе войны, но и по всей нашей стране вплоть до мая 1985 года, когда известное, поистине историческое постановление ЦК КПСС загло наконец для алкомании «красный свет».

Алкоголь, содержащийся в, я бы сказал, преступно освященных и обожествленных «боевых 100 граммах», ничем не отличается от любого алкоголя — ни по химической формуле, ни по пагубному наркотическому воздействию на организм человека. В бою, 4 ноября 1942 года, на моих глазах двое из нашего артиллерийского расчета погибли лишь по вине «чарок фронтовых»: не способны были, замелев, правильно повести себя в боевой обстановке. Остальные из нашего расчета, восемнадцати-девятнадцатилетние парни, к «чарке» не прикасались. Был свидетелем, когда чуть ли не силой совершенно непьющих молодых солдат «старикки», придумав уродливый ритуал, заставляли «осушать» солдатскую кружку водки при вручении правительственных наград, повышении в звании и тому подобных случаях. Уверен: почти каждый фронтовик может привести не один пример нелепой гибели «по пьянке» своих боевых товарищей. Более того, «фронтовой алкоголь» играл роль маскирующего фона для пьянства в «мозгах армии» — ее штабах, что конечно же отрицательно сказывалось на боеспособности армии. На завершающемся

этапе войны, особенно за пределами родины, выпивки участились, причем большинство гостов было обязательно за Вождя всех времен и народов — попробуй тут не выпить до дна! Вспомните песню: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!»

Вскоре после войны два моих сослуживца стали настоящими алкоголиками. У моего сотрудника родственник фронтовик-танкист тоже стал безнадежным алкоголиком по вине «наркомовских 100 граммов». По этой же причине стали алкоголиками родственник моего близкого друга и один из моих послевоенных сослуживцев.

Пресловутая «святость», все еще, к сожалению, находящаяся вне зоны критики, «чарки фронтовой» дает себя знать до сих пор. Так, в тот день, когда западногерманский летчик-любитель М. Руст сажал свой самолет на Красную площадь, в парке Горького пограничники в честь своего праздника устроили массовую пьянку с диким дебошем, за что около ста из них оказались в вытрезвителях («Московская правда», 30.05.87, «Гулять так гулять»).

В своей очень нелегкой борьбе с алкогольным злом я убедился, что верх безумия — это забвение истины, что самым изначальным и эффективным, самым бескровным и в то же время самым подконтрольным шагом в борьбе с любым злом было бы ПОЛНОЕ прекращение пропаганды и рекламы его во всех средствах массовой информации, во всех видах искусства, литературы, кино и на телевидении. В противном случае борьба с вином неизбежно обречена на бесполезную трату сил и времени, что и происходит в настоящее время в нашей борьбе за трезвость.

Считаю необходимым принять ЗАКОН (что уже сделано во многих странах мира), строжайше запрещающий любую пропаганду и рекламу вредных для здоровья людей привычек во всех видах средств массовой информации, всех видах искусства, литературы и наглядной агитации.

И как ни парадоксально, в борьбе против трезвеннического движения было использовано самое всеобъемлющее и очень сильное по содержанию постановление ЦК КПСС «О ходе выполнения постановлений ЦК КПСС по преодолению пьянства и алкоголизма и активизации этой работы».

После опубликования его 2 июня 1987 года очень многие внимательно и до конца его не прочли, а все средства массовой информации уделили внимание лишь абзацу, в котором говорится:

«Попытки решить проблему искоренения пьянства главным образом запретительными, административными методами не только не дают прочных результатов, а, напротив, загоняют болезнь вглубь, порождают новые проблемы, в итоге — компрометируют важное, нужное дело».

Только это и стали повторять лекторы, комментаторы, докладчики. Но многие, к сожалению, поняли, что именно истинные борцы за трезвость «компрометиру-

ют важное, нужное дело». Налицо факт, когда святое из святых дел — утверждение трезвости — доведено до абсурда, до своей противоположности противниками трезвости или равнодушными людьми. Результат — борцам за трезвость стало работать еще труднее. Отсюда необходимо сделать вывод: если многократно и повсеместно повторять лишь одну тенденциозную цитату, то создается впечатление, что это и есть вся суть документа. А поэтому получилось не «активизация» и «придание нового импульса» в преодолении алкогольного нашествия, а еще большее их угасание, то есть документ сработал со знаком минус.

Весьма желательно, чтобы это архиважное постановление было издано отдельной брошюрой или в сборнике с другими постановлениями на антиалкогольную тему.

Тормозящую роль в нашей трезвеннической работе играет и то обстоятельство, что после постановлений 1985 года ЦК КПСС, шумной и деятельной, как, к сожалению, оказалось опять-таки, кампании в борьбе с «жидким дьяволом» и по утверждению диктатуры трезвости в нашей стране, примерно во второй половине 1986 года эта активность резко упала, а из лексикона руководителей всех уровней почти начисто исчезли слова с корнем «трезв». Во всех докладах, выступлениях, в печати, радио и по телевидению снова начали призывать лишь к борьбе с пьянством и алкоголизмом. Борьбу же за трезвость в своих выступлениях предали забвению вовсе. Более того, лично у меня создается впечатление, что слово ТРЕЗВОСТЬ они или разучились выговаривать, или по неизвестным причинам стесняются пользоваться им при людях. А многие члены ВДОБТ, особенно из руководителей, возможно по той же причине, «стесняются» носить значок общества.

Много хлопот и недоразумений доставляет прием (вовлечение) новых членов в общество, особенно тех, кто хочет вступить в него из конъюнктурных соображений, собираясь вполне легально сохранить за собой право эпизодического («ритуального») употребления алкогольных изделий. И это также происходит и с людьми, имеющими высшее образование, а то и два, и хорошо изучившими устав общества. А все дело в том, что, как я уже упоминал, келейно принятый устав не дает четкого и ясного ответа даже на такой вопрос, что такое трезвость. Изобилует расплывчатыми, двусмысленными, запутанными формулировками. Для доказательства истинно трезвеннических понятий мне часто приходится ссылаться на толстовское «Согласие против пьянства», где все сказано предельно ясно. Нет в уставе общества и обязательства о ношении членами единого нагрудного значка общества, что, кроме всего прочего, уже само по себе является мощной пропагандой трезвости личным примером!

Считаю серьезной ошибкой, что по уставу членом общества трезвости может быть только человек, достигший возраста восемнадцати лет.

Это неправильно. Общеизвестно: школь-

ники разных возрастов уже состоят во многих неформальных объединениях, а также то, что подростки после восьмого класса в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет принимаются в аэроклубы и детские автошколы, после шестимесячных теоретических занятий они допускаются к полетам, парашютным прыжкам...

В своей замечательной книге «Из плена иллюзий» Ф. Г. Углова пишет, что именно семилетний сын Гриша сделал его стопроцентным трезвенником, он не только решил не пить сам, но не покупать ничего спиртного и никого им не угощать. Ибо дети, как пишет ученый, удивительно наблюдательны, их логика чиста и светла, как сама правда, и они не терпят лжи и обмана. И этим своим, я бы сказал, мбщнейшим оружием они дисциплинируют и облагораживают взрослых, если, конечно, последние окончательно не потеряли от вина свой человеческий облик. И ограничивать членство в обществе самым нравственным и гуманным всезнающим возрастом считаю большую глупость. Целесообразно и полезно для общества принимать в него всех желающих, буквально с первого класса школы. Если, конечно, мы собираемся вести борьбу со злом по-настоящему, а не играть в «борьбу», как это имеет сейчас место.

Для исправления этих и, возможно, других положений устава необходимо внести его на ВСЕНАРОДНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ.

На днях у меня разговор с одним молодым человеком на тему трезвости. Он признался, что, несмотря на то, что в обществе не состоит по причине отсутствия условий для создания такового в своем учуждении, но причастным к борьбе за трезвость себя считает, так как во всех спорах, где утверждают, что все русские пьют, он с гордостью отвечает: «Это неправда, я русский, Анатолий Никитович, не пью и не курю». Так что пьют не все русские — вот вам наглядный пример!».

Вспомнил рассказ пятнадцатилетней давности моего друга, неоднократно работавшего переводчиком на международных выставках в Сокольниках, также непьющего и некурящего. На всех приемах иностранцы задавали один и тот же вопрос: «Как же так, Юрий Павлович, ведь

все русские пьют, а вы что, не русский?» Он же отвечал, что настоящие русские не пьют. После таких твердых ответов он чувствовал к себе еще большее уважение как иностранцев, так и коллег.

А таких людей, которые по каким-либо причинам не состоят в обществе, являясь настоящими патриотами, желают сделать все для спасения своего Отечества, склонив стрелку барометра общественного мнения в сторону трезвости, уверен, немало. И они это делают личным примером, в отстаивании своей трезвеннической позиции в спорах, дискуссиях, выступлениях в печати, как это сделал В. Безматерных из города Кемерово. Но они могли бы сделать гораздо больше, если бы их трезвенническую позицию мог бы видеть каждый, то есть если бы они носили значок, символизирующий это. Было бы очень полезно объявить конкурс на красивый значок с надписью «Я не пью и не курю», изготовить и пустить в свободную продажу. Каждый истинный патриот для пользы своей страны порвет с дурными привычками, приобретет его и будет с гордостью носить. Думаю, что такой значок в недалеком будущем станет престижным. А все носящие его будут мощной поддержкой трезвеннического движения, реальным резервом для пополнения рядов общества.

Кстати, такие значки за рубежом уже давно изготавливаются. Я видел такой значок, привезенный одним из наших внешнеторговых работников из США, на котором было написано «Я не пью и не курю» на русском и английском языках. Сотрудник этот, непьющий и некурящий, сказал, что прикалывает его на лацкан пиджака каждый раз на все приемы, где бывает спиртное, и не чувствует себя там «белой вороной».

Вот радостная весточка: издательство «Советская Россия» в серии библиотеки «Писатель и время» выпустило в свет небольшую книжку, автор которой — председатель ячейки трезвости Московской писательской организации Станислав Гагарин. В ней, кроме исчерпывающей информации по проблемам борьбы с алкогольным злом, звучит страстный призыв к коллегам, мастерам культуры проснуться от социальной спячки и стать на сторону истинных патриотов Отечества, ведущих тяжелейшую борьбу с «социально опасным злом» — алкоголем.

П. БЕРДНИКОВ, председатель первичной организации ВДОБТ В/О «Лицензинторг», ветеран Великой Отечественной войны, член КПСС.

Быть или не быть?

За три года без малого, с тех пор как был провозглашен Указ по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом, нам была ясно продемонстрирована неэффективность и беспомощность общественных институтов в этой борьбе. Да по сути-то борьбы за трезвость и нет. Как и предсказывали некоторые добросовестные граждане, все свелось в итоге к кампании. А ВДОБТ — Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость — превратилось в очередную бюрократическую организацию, наличие коей в обществе не ощущается ну никак.

Более того, наблюдается явное движение назад, что заметно в эпидемии спекуляции спиртным, растущем размахе самогонарения, в пораженческих настроениях, высказываемых через печать.

Но удивляться тут нечему, после трех десятилетий интенсивного спаивания народа, — я помню, когда в нашу деревню завозили раз в месяц на подводе водку, и хватало с лихвой, а в последние годы перед Указом уже машиной не успевали завозить, хотя деревня к той поре заметно поуменьшилась, в том числе и от пьянства, — алкоголь пульсирует в жилах не одного поколения людей. И победить пьянство в такой ситуации — никак невозможно нахрапом, только Указом. Многие за три года так и не поняли, почему до Указа можно было хоть запиться, а теперь — нельзя. Не поняли даже те, кто по долгу своему гражданскому обязан бороться с такой чумой, как пьянство, кто именует себя трепетно-светлым словом — интеллигенция.

Нужна последовательная, долговременная и кропотливо-настойчивая работа и соответственно умная программа, которая должна исходить, на мой взгляд, из того, что победить пьянство возможно только через обновление поколений, воспитав трезвое поколение, которое имело бы стойкое убеждение, что пьянство и курение не только вредны для здоровья, но это и безнравственное, недостойное для человека разумного занятие, несущее разрушение народу в целом. Путь человечества в будущее неизбежно пройдет через осознание этого на горьком опыте. Научно-технический прогресс, год от года усложняющаяся гражданская и военная техника настойчиво требуют все более и более ясных и трезвых голов, а в обществе катастрофически увеличивается процент людей, которым нельзя доверить ничего, кроме лопаты. Мы же могильщиков своих пестуем. Это преступление против нации. Ведь если генетику стада животных можно поправить простым отбором слабых особей, то неполноценных людей в стадо не стонишь, их придется «нести на руках» здоровой части общества.

Что бы там ни твердили медики, но жизнь доказывает: пьянство — прежде всего не болезнь, а нравственная распушенность, уходящая корнями в прогнившую политическую почву прошлых лет, это — импотенция духа, и уж только после, как следствие, болезнь, физиологическая зависимость.

Жил в нашей деревне Межовке Ординского района Пермской области Габов Виктор Иванович. Помню, в 1962 году он пришел из армии, служил в ГДР. Он был нашим кумиром, веселый остроумный здоровяк-красавец, равных которому по силе не находилось в округе: на сабантуях в борьбе он всегда побеждал.

Водка свела его в могилу в сорбк пять лет, умер от алкогольной интоксикации, оставив сиротами трех детей и вдовой молодую жену. Исполнилось пять лет, как его нет, а мне до сих пор жжет сердце эта нелепая смерть.

Я глубоко убежден, что победить пьянство можно, ведя наступление по следующим направлениям:

1. Последовательное и планомерное сокращение производства спиртного и в первую очередь слабоалкогольных напитков, которые играют роль первой ступени вовлечения в пьянство подростков и женщин.

2. Включение в школьную программу умного антиалкогольного и противотабачного воспитания, повозрастного формирования у детей стойкого иммунитета к этим социально вредным пристрастям (признайся, давно мучит вопрос: где была наша медицинская Академия, когда спавняли народ?).

3. Широкий комплекс лекционно-пропагандистской работы высокого уровня среди населения, воздействие через все средства массовой информации. Ведь многие пьют по невежеству. По радио и телевидению передачи о борьбе с пьянством идут редко и в самое безлюдное время, когда люди на работе либо находятся по дороге домой.

Я сам был пьяницей по невежеству, считал, что раз-два в месяц выпить даже полезно, стрессы снимает. Так убежден был, пока мне в руки не попала перепечатка лекции В. Г. Жданова, которая за полчаса сделала с моим сознанием то, чего не в состоянии были за многие годы сделать ни университет, ни наша антиалкогольная пропаганда. Я после той лекции три ночи не мог спать.

4. Спиртное не должно быть легкодоступным. Должны быть труднодоступными и компоненты домашнего приготовления алкоголя, чтоб производство браги и самогона не было выгоднее покупки водки. Надобно сурово карать за спекуляцию спиртным, расценивать это как тяжкое социальное преступление.

5. И самое главное — надо смелее и гибче искать и пробовать способы борьбы с пьянством и решительнее отказываться от мер, не оправдавших себя. Армию закоренелых пьяниц не переводьспитаешь. Победить эту армию можно только, лишив ее притока свежих сил, лишив ее пополнения за счет молодого поколения.

Мы не одно десятилетие будем пожирать горькие плоды прошлой алкоголизации, но это не значит, что мы не должны бороться. Ведь дело до абсурда дошло: при заводах пооткрывали наркблгические кабинеты и выдаем это за достижения социализма.

Ходишь по магазинам и видишь, что завалены они разными товарами, а чиновники (сам был свидетелем тому) кричат, что рабочему классу нечем зарплату выдавать и, дескать, нечего агитировать народ против пьянства.

А ведь это значит, что рабочий класс выпускает товары плохие и никому не нужные, которые не могут дать оборота денежной массе. Но если этот оборот создавать за счет бесхлопотной продажи спиртного рабочему классу, то он станет выпускать плохих товаров еще больше, и оборот денег станет еще хуже. Так зачем мы сами себя толкаем к пропасти?

То, что я написал здесь, не менее важно, чем рассуждения о хозрасчете, ценообразовании, экологии, ибо это — вопрос «быть или не быть?». Потому, бросив все свои неотложные дела, и засел за письмо. И только скорбно сознавать, что сие напечатано-то не будет. В лучшем случае какая-нибудь журналистская «звезда» процитирует «выдержку из письма читателя».

*Виталий БОГОМОЛОВ, 39 лет, служащий,
Пермь.*

Р. С. Это письмо я отправил в «Правду», но, получив третий номер «Нашего современника» за этот год, решил, что второй экземпляр надо отослать в вашу редакцию, ибо ваша публикация «Не обороняться — наступать!» и «Трезвость — оружие перестройки» — разбередила мою душу, скорбящую о том же. Пусть мое письмо будет откликом на вашу публикацию.

Прислушайтесь к голосу женщин!

Постановление партии «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» большинство людей встретили с радостью и надеждой. Оно касалось каждого человека, каждой семьи. Пьянчужки испугались, поутихли, стало спокойнее на улицах, в праздничные дни можно было выйти с ребенком, не опасаясь, что встретишь «получеловена» (от которого всего можно ожидать), не боясь пьяных драк и свернословия. Люди с обостренным чувством совести и долга стали активно пропагандировать, требовать, ориентировать на трезвый образ жизни.

Правда, печать и телевидение как-то вяло говорили об этих проблемах, но все же появились статьи и книга Ф. Г. Углова, публикации Загоруйко, Исханова — страшные цифры и факты заставили честных людей принять для себя закон трезвости и агитировать окружающих за него.

Но прошел год, прошел второй, и что же мы видим — пресса и телевидение либо молчат, либо дают до смешного беззубые статьи и передачи по этому государственному важному вопросу; почему-то вдруг повсюду (в нарушение постановления) открылись винные магазины с 11 часов утра! Где якобы торгуют только пивом, но ведь это тоже алкоголь!

Это был первый мощный удар по трезвенническому движению. Я обращалась в КПК за разъяснениями (меня — пропагандиста и агитатора — люди спрашивают, почему и зачем это было сделано, ведь это дискредитация политики партии, но на мое письмо не посчитали нужным ответить и переслали его в наш горком партии, словно это по их вине открылись винные магазины по всей стране.

Пьянчужки оживились — зачем стесняться, ведь государство, говорили они, пошло на попятную, мы — пропагандисты — оказались в смешном положении.

И вот в канун двухлетия со дня выхода в свет постановления мы ждали, что в печати и на телевидении этот вопрос поднимут. Действительно, по ЦТ 17 мая прошла передача, пресс-конференция, на которой было заявлено, что «сухой закон» в стране — это глупость!

Хорошенькое дело! Так ради чего же все это затеяно! Трезвость в тяжелейшее время для молодой Советской республики не глупость, а при зрелом социализме в стране — глупость! В Набережных Челнах в течение 7 лет — не глупость, а необходимость, зато по всей стране — глупость! И это говорил заместитель председателя Всесоюзного общества трезвости!

Кстати, об обществе трезвости. Почему вдруг люди, борющиеся за святое дело отрезвления народа, за генетическое здоровье нации, оказались освобожденными от основной работы и «сели» на взносы общества трезвости? Не превратилось ли оно в «кормушку» для лентяев? Если ты истинный борец за идею — борись бесплатно. Вероятно, есть необходимость в освобожденных должностях в любом добровольном обществе, но не в таких же количествах! Не лучше ли добровольные взносы с людей организовать в фонд, который бы частично покрывал убытки от сокращения продажи алкоголя. Я уверена, что многие отдадут тогда не один рубль в год, а гораздо больше. Никкими деньгами не окупить горе людей, которое несет с собой алкоголь: горе обездоленных детей, оставшихся сиротами при родителе-алкоголике, невозможно спокойно жить, увидев хоть один раз детей из детского дома — их лишил нормального детства все тот же алкоголь, а мука матери, дети которой стали алкоголиками (не потому, что она их плохо воспитала, а потому, что алкоголь

легко доступен), какая мука для женщины узнать и видеть, что детские дома плодятся, как грибы, что в каждом городе появляются детские сады и школы для дебильных детей, а дети — из пьющих семей!

Это наш позор, наша боль и наша общая беда. Горе, слезы, ужас и страх за будущее наших детей — вот что несет с собой алкоголь!

Какие же еще аргументы нужны против государственной продажи алкоголя, ведь страдают дети, наше будущее, наша надежда и наше счастье.

Да, женщины требуют сухого закона в стране, потому что они Матери, потому что они хотят добра. Так прислушайтесь к их голосу, пусть ученые снажут свое слово, экономисты, писатели, я уверена, честные люди поддержат требование Матерей.

Да если бы вся страна узнала те страшные цифры и факты, о которых говорят и пишут академик Углов Ф. Г., доктор экономических наук Исканов Б. И., кандидат физико-математических наук Жданов В. Г., писатель Белов В. И., сколько бед несет алкоголь нашей Родине, нашему народу, — все бы проголосовали за введение в стране принудительной трезвости. Я сама имею опыт пропаганды и агитации за трезвый образ жизни, во время опроса аудитории подавляющее большинство людей ратуют за введение в СССР сухого закона. За несколько дней я собрала 163 подписи, собрала бы еще, если бы в этом была необходимость.

Считаю, уже сегодня надо готовить страну и людей к закону принудительной трезвости, организовать широкую агитацию и пропаганду за трезвый образ жизни и после этого вводить сухой закон. Я уверена, люди правильно отнесутся к его введению.

С уважением и надеждой

БЫКОВА Т. Д., 1951 г. р., инженер,
г. Обнинск.

Истинные борцы не у дел

Прошло три года со дня выхода постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Казалось бы, есть и определенные сдвиги в борьбе за трезвость: в целом по стране сократилось потребление спиртных изделий, снизились преступность и травматизм. Однако это не говорит о том, что дело обстоит так гладко, увы, данная проблема еще довольно остро стоит в стране.

Все мы хорошо помним, как сразу же после выхода постановления ЦК КПСС под руководством партийных комитетов активисты-трезвенники повели наступательную и решительную борьбу за трезвость. В нашей печати чуть ли не в каждом номере публиковались все новые и новые материалы, в которых уничтожающей критике подвергалось всякое пьянство, в том числе и «умеренное». Трезвенническое движение набирало силу. Во многих регионах страны начали образовываться по просьбе трудящихся зоны трезвости, где была запрещена всякая реализация спиртных изделий. Трезвенники воспряли духом. Люди постепенно стали переходить от пьянства к трезвости. Вместе с тем ситуация, которая сложилась в последнее время во многих городах и селах нашей страны, вызывает тревогу. Если в 1985 году мы сделали шаг вперед в борьбе за трезвость, то в настоящее время мы уже сделали два шага назад. Чем это объясняется? Прежде всего тем, что во многих регионах страны, и прежде всего с ведома партийных и хозяйственных органов, открываются все новые и новые точки по реализации алкогольных изделий. Как это ни странно, все это происходит без учета общественного мнения, без какого-либо согласования с городским или районным обществом борьбы за трезвость. И ведь руководители города или района так прямо и говорят активистам трезвости: «Не лезьте не в свое дело, ваше дело заниматься антиалкогольной пропагандой, а для нас важен кассовый сбор». И ведь подчас эти руководители идут на прямое нарушение антиалкогольного законодательства, разрешая торговым предприятиям реализовать спиртные изделия как вблизи учебных заведений, предприятий и организаций, так и прямо на улицах, естественно, где наибольшее скопление народа, из кузова автомашины — это так называемая расширенная продажа alcoизделий, своего рода «ярмарка». Об этом приходится читать во многих письмах активистов трезвеннического движения из многих городов нашей страны, с которыми я веду переписку.

Так почему же так происходит? Почему, и особенно в последнее время, в стране все меньше и меньше становится зон трезвости? Эти и другие вопросы стоят перед многими активистами трезвеннического движения.

Зона трезвости. Вот только несколько дней назад мне довелось побывать в одной из таких зон трезвости — Волгоградская область, Котовский район. Это моя родина. Честно говоря, я был поражен, узнав, что в городе и районе не продается спиртное, никакого вообще спиртного не продается с июня 1986 года. Действует «сухой закон». Этот опыт мне показался настолько интересным, что все дни моего пребывания в районе я посвятил его изучению. Мне довелось

разговаривать со многими руководителями города и района, с сотрудниками общества борьбы за трезвость.

Прежде всего меня интересовал вопрос — какая антиалкогольная пропаганда ведется в городе и районе? Как это ни странно, но кое-где в нашей стране по-прежнему некоторые лекторы, в том числе и медики, продолжают по сей день пропагандировать «культурное» и «умеренное» потребление алкоголя, говорят о каких-то традициях гостеприимства, что, мол, без водки и вина наш народ прожить просто не сможет, что продажа алкогольных изделий выгодна для государства и т. д. и т. п.

— Действительно, поначалу нам трудно было подыскать нужный материал по данной тематике, — говорит ответственный секретарь районного общества «Знание» Валентина Федоровна Волюнец, — но со временем и мы обрели положительный опыт в антиалкогольной пропаганде. Следует сказать, что наши лекторы широко используют материалы замечательного пропагандиста трезвости в нашей стране академика Ф. Г. Углова, его данные об алкоголе, которые не оставляют аудиторию равнодушной. Люди начали смотреть на эту проблему совсем по-иному, чем прежде, начали понимать, что такое алкоголь и к чему он приводит. В неделю раз в городе и районе проводится единый день противоалкогольной пропаганды. В этот день наши медики, работники милиции, прокуратуры выезжают с лекциями и беседами в населенные пункты района, выступают на предприятиях города. Вопрос антиалкогольной пропаганды в районе на постоянном контроле в районном комитете партии. Добились мы успеха в отрезвлении еще и потому, что активным сторонником трезвости в нашем районе является первый секретарь районного комитета партии Виктор Григорьевич Вутрин.

В борьбе за трезвость наша партия выдвинула хороший лозунг: «Всем миром против пьянства!» Увы, пока что этот призыв не срабатывает должным образом. Истинные борцы за народную трезвость до сих пор стоят не у дел, им создаются самые различные препоны, в том числе и в пропаганде трезвости. Нет, не только специалисты-медики, по моему мнению, должны заниматься антиалкогольной пропагандой, а и активисты трезвеннического движения.

И ничего удивительного нет в том, что некоторые трезвенники просто опустили руки после многих мытарств. В этом я смог убедиться и на своем горьком опыте в городе Надыме, где в настоящее время проживаю. В прошлом году мне довелось выступать с лекциями по антиалкогольной пропаганде в городе и в районе. Однако же это прерисходило недолго. В ноябре меня вызвали в городской комитет партии и запретили читать лекции, в которых я использовал материалы академика Углова. Оказывается, то, о чем пишет и говорит в выступлениях Федор Григорьевич Углов — патриот трезвеннического движения в нашей стране, об этом говорить аудитории нельзя, ибо эти данные отрицательно действуют на психику людей. И ведь что удивительно, в одной из бесед со мной в горкоме партии нарколог нашего города и района заявила, что, мол, Углов не нарколог, а всего-навсего хирург, и он ничего об этой проблеме не знает. Вот ведь как вопрос ставится — академик Углов ничего не знает, а нарколог знает и в то же время говорит, что пусть люди пьют лучше вино и шампанское, нежели водку. Как это ни парадоксально, это мнение поддерживает и ответственные товарищи городского комитета партии. Напрашивается вопрос — к каким же результатам мы сможем прийти с таким вот подходом к данной проблеме? Результаты уже есть — пьянство и алкоголизм возросли как в городе, так и в районе.

А. КАРПОВ,
Надым Тюменской области.

Не бояться правды

Прошло три года со дня выхода постановления ЦК КПСС, и сделано много, однако отрезвление нашего народа идет недостаточно интенсивно. И что больше всего беспокоит: очень часто наблюдаются попытки «дать задний ход» в этой нужной политике: вновь открываются закрытые было винные магазины, увеличивается время торговли, вводятся талоны на водку — якобы в целях повышения культуры обслуживания населения. Но, пожалуй, одним из главных факторов, тормозящих необходимый оздоровительный процесс, является недостаточно эффективная пропаганда трезвости, которая должна основываться на правдивом освещении как сегодняшнего состояния проблемы, так и фактов из истории. «Для того, чтобы лечить болезнь, нужно ее назвать» — эти слова были сказаны Львом Толстым, возглавлявшим трезвенническое движение в России. Говорить правду об алкоголе — значит бороться с этим страшным злом. Здесь стоит привести пример телевизионной передачи «Молодые литераторы в гостях у первого секретаря Союза писателей СССР В. В. Карпова», которая была показана в апреле прошлого года, — пример, подтверждающий господство точки зрения противоположной. Писатель А. Буйлов в сво-

ем выступлении упомянул о факте, имевшем место в 30-е годы, а именно о поставке в северные районы страны большого количества спирта в обмен на пушнину, поступающую от местного населения. Это высказывание прозвучало в передаче, показанной по московской программе ЦТ 7 апреля, однако при повторном показе 9 апреля (по первой Всесоюзной программе) оно было изъято, и многомиллионная аудитория его не услышала. Почему «вырезали» эти слова: может быть, кому-то кажется неудобным обнародовать горькие факты истории, может быть, кто-то считает, что это опасно? С этим не мешало бы как следует разобраться, именно теперь, в пору утверждения демократии и гласности. Не думал, наверное, А. Буйлов, насколько был он близок к истине, когда говорил о «заячьих смиднах» — приемах уклонения от обсуждения острых вопросов, уходов от правды — к полуправде.

Твердость и последовательность программ отрезвления нашего народа — это необходимое условие успешного решения проблем перестройки.

С уважением

ЯРОВИЦЫН В. В., инженер; БЫКОВА Г. Д., инженер; ДЕРБЕНЕВА Н. А., работник СПТУ-11; МАКЕЕВ А. В., инженер ППО; КУЗИНА Л. В., техник СПТУ-11; ЛАТУШКИН И. Ю., мастер производственного обучения СПТУ-11; ЧУРИН, студент МАИ; НАДУВАЕВ В. А., инженер; ЛЕВАШИНА Э. С., инженер; НИКОЛАЕВА И. А., преподаватель СПТУ-11.

г. Обнинск.

«ДУША ДОРОЖЕ КОВША»

Надежда и опора

В недоброй памяти времена, когда алкогольная зараза проникла во все поры нашей жизни, особенно резали глаза случаи пьянства среди солдат и офицеров. Алкоголь и советская военная форма — что может быть абсурднее такого сочетания! Впрочем, проникивание питейных традиций в среду военнослужащих возмущало, но не удивляло — в обществе неумолимо действуют законы социальной диффузии, и как неизбежно в камере одного холодильника запах гниющего мяса передается доброкачественным продуктам, точно так же невозможно создание изолированных зон трезвости — будь то даже армия или милиция. А ведь трезвость, как писал нарком здравоохранения Н. А. Семашко еще 60 лет назад, является «чрезвычайно важным условием боеспособности армии вообще, Красной Армии — в особенности». К счастью, после принятия известных постановлений партии и правительства трезвость стала утверждаться как норма и закон советского образа жизни во всех сферах нашего общества, а в Советской Армии — в особенности.

Журнал «Трезвость и культура» в 1929 году отмечал, что «рост военной техники, усложнившаяся тактика — все это предъявляет к Красной Армии требование усиленно развивать те качества, которые отсутствуют у алкоголиков». Осмысливая опыт первых послереволюционных лет, мы сегодня четко сознаем, что с тех пор оснащенность вооруженных сил неизмеримо возросла и что речь уже идет о несовместимости алкоголя в любой форме и любом количестве с современной техникой, требующей мгновенной реакции, подключения самых «тонких» участков человеческого мозга. Напомним, что учеными установлено, как именно по самым «ажурным» и трудновосстановимым функциям интеллекта алкоголь наносит коварный и субъективно слабоощущаемый удар.

Например, сотрудники Стэнфордского университета Дж. Исавадж и О. Лерер, проведя эксперименты на летнем имитаторе противолодочного самолета «P-3C ORION», установили, что «эффект похмелья» существенно влияет на способность выполнять летные маневры, ухудшая «рабочую память» и способность удерживать внимание на нескольких одновременных задачах. Причем все это после полного исчезновения алкоголя из крови, когда и сами летчики, и контрольные приборы не ощущают наркотической опасности. Неудивительно, что только у 7,5% из 5853 погибших в 1968—1985 годы летчиков содержание спирта в крови превышало допустимую норму.

По-видимому, подобные исследования заставили Пентагон начать широкое наступление на пьянство и наркоманию среди американских солдат и офицеров, используя при этом целый ряд мер карательного воздействия — понижение в должности и звании, штрафы, принудительное лечение, суд военных трибуналов и т. д. А с 1 июня 1985 года приказом министра обороны США запрещено распитие спиртного военнослужащими в возрасте до 21 года, не допускается употребление алкоголя, включая и пиво, в казарме. По мнению многих военных медиков, нужно пропагандировать не умеренное пьянство, а постоянное воздержание от него. Трезвость, подчеркивают многие командиры, специалисты по идеологической и психологической обработке, является ключевым элементом боеспособности вооруженных сил США.

Забываясь в первую очередь о сохранности и эффективном использовании истребителей и ракетных пусковых установок многомиллионной стоимости, западные армейские идеологи вспомнили слова известного американского психолога У. Джеймса: «Самые смертельные враги наций не внешние враги, а те, что всегда живут внутри их собственных границ».

В целом можно с уверенностью утверждать, что времена, когда «водка в руках буржуазии являлась тем хлыстом, — как отмечал Н. А. Семашко, — которым она подстегивала солдат умирать за ее интересы», проходят. И не потому, что сегодняшняя буржуазия стала гуманнее. Просто водочный хлыст по прагматическим соображениям заменяется ныне иными — более безопасными и изощренными методами воздействия на психику солдата.

Осуществляя целый комплекс мер по борьбе с наркоманией и пьянством в своих странах, который имеет жесткий, административный характер, западные идеологи стараются всячески опорочить, принизить антиалкогольную борьбу в нашей стране. И чего только нет в их репортажах, нацеленных на СССР: и сарказм, и ядовитые усмешки и акцент на действительно имеющиеся в таком непростом деле ошибки и трудности. Зная, насколько широко и эффективно действует система пропагандистских и ограничительных мер в антиалкогольной политике внутри тех же США, и будучи уверенными, что корреспонденты «Би-би-си» или «Нью-Йорк таймс» прекрасно помнят библейские слова о бревне в своем и соломинке в чужом глазу, невольно возвращаешься к положениям директивы Совета Национальной Безопасности СНБ-68, где говорится о необходимости «сеять семена разрушения внутри советской системы». И слыша, как некоторые наши публицисты подхватывают ехидные антирезвеннические аргументы «из-за бугра», невольно сравниваешь их со страстными проповедями великих российских патриотов, восклицавших: «Водка есть кровь сатаны» (А. Чехов), «Пора опомниться!» (Л. Толстой).

Совершенно очевидно, что «трезвая школа является необходимым условием трезвой нации», однако пока ни наша школа, ни ПТУ, ни вуз не дают достаточно прочной трезвеннической закалки молодежи, в результате чего в армию и на флот проникают «алкогольные бациллы». Разве это не предмет заботы для руководителей ДОСААФ, преподавателей военного дела? Следуя принципу преемственности, молодые люди, прошедшие школу идейной и физической закалки во время срочной службы, должны, как это предполагалось в первые годы Советской власти, стать активными сторонниками здорового, трезвого образа жизни. Подчеркнем, что пропаганда трезвости в армии не должна, на наш взгляд, замыкаться на узко медицинских аспектах. Необходимо перекидывать далеко не тривиальные мостики между трезвостью как естественным состоянием здоровомыслящего человека и уважительным отношением к истории собственного народа, к вопросам экологии, культуры, демографии и т. д. К примеру, у многих молодых людей наряду с превратным представлением о полной алкогольной свободе в странах Запада сформировался схожий идеологический штамп о бесконтрольной сексуальной раскрепощенности, о бездумном, «игривом» отношении к семье и семейным обязанностям средних американцев или шведов. Между тем на Западе в настоящее время на общественные настроения оказывают серьезное влияние консервативные силы, выступающие, в частности, за воздержание от употребления алкоголя и против сексуальной распушенности. В результате в 80-х годах, например, в США происходит сокращение числа разводов и увеличение числа заключенных браков, и все это на фоне значительного сокращения потребления алкоголя. А в это же время в нашей стране продолжается эрозия семьи, причем одним из основных катализаторов разложения брачно-семейных отношений является алкогольный фактор. Стоит ли напоминать о том, что крепкая семья, здоровые дети — фундамент нашего государства, нашей обороноспособности!

В заключение мне хотелось бы привести слова последовательного и мужественного трезвенника — Л. Н. Толстого: «Если сцепились рука с рукой люди пьющие и наступают на других людей и хотят спить весь мир, то пора и людям разумным понять, что и им надо схватиться рука с рукой и бороться со злом, чтобы их детей не сполни заблудшие люди». И сегодня, когда мы говорим о создании единого, общенародного антиалкогольного фронта, о необходимости взяться за руки всем гражданам, обеспокоенным алкогольной опасностью социалистическому отечеству, прочным звеном в этом фронте должна стать Советская Армия — самая трезвая армия в мире.

*А. КАСИМОВ, член казанского городского клуба трезвости «Феникс»,
младший научный сотрудник НИИ математики и механики при
Казанском государственном университете им. В. И. Ленина, кандидат
физико-математических наук.*

К вопросу о пьянстве как «атрибуте национального образа жизни»

Журнал «Знамя» в № 2 за 1988 год поместил письмо Эр. Хан-Пиры, в котором автор, вспоминая мою рецензию почти двухлетней давности на книги известного искусствоведа М. Н. Любомудрова («Ради славы российского театра...» — «Наш современник», 1986, № 7), пытается обвинить меня в искажении

и приукрашивании русской истории, в которой, по его мнению, пьянство существовало испокон веков и «превратилось в атрибут национального образа жизни», цитирует Хан-Пи́ра одного из своих единомыслящих.

Стремясь доказать давнее и беспробудное пьянство русских, автор призывает в свидетели даже... великого русского национального поэта Н. А. Некрасова, который, как пишет Хан-Пи́ра, «печально свидетельствовал», что у русского народа всегда была «одна дорога торная — дорога к кабаку».

Но как же тогда быть с фактами истории и фактами поэзии, к которым так патетически призывает меня прислушаться Хан-Пи́ра? В своей публикации он дает мне немало советов. Так поступлю и я, посоветовав ему поначалу прочитать Н. А. Некрасова хотя бы в объеме ныне действующей (при всех ее несовершенствах) школьной программы. Сделав это, Хан-Пи́ра сможет убедиться, что поэт-демократ постоянно указывал не на эту, «частную» дорогу, а на главную дорогу русского народа — дорогу трудовую, дорогу к настоящей жизни. Вспомним хотя бы поэму «Железная дорога», в которой апофеозом прозрения поэта являются такие строки о русском народе:

Вынесет все — и широкую, ясную

Грудью дорогу проложит себе...

Менее чем через полвека слова эти отзвучат в известной революционной песне «Смело, товарищи, в ногу...»

Что же касается других известных публикаций, то следует автору помнить, о чем писал журнал «Коммунист» в статье «Архивное дело» (1985, № 12). В этой редакционной статье прямо отвергается взгляд на историю России как на историю всеобщего пьянства, ставшего будто бы «атрибутом национального образа жизни», приводятся факты, когда в результате мощного трезвеннического движения в 1858—1859 годах тысячи сел и деревень отказались от спиртного, а в 1859 году начался массовый разгром питейных заведений, 32 российских губернии отказались от сивухи.

«Вот и оказался мифом «этнографический» аргумент неизбежности российского пьянства», — пишет по этому поводу академик АМН СССР лауреат Ленинской премии Ф. Г. Углов в своей книге «Из плена иллюзий», вышедшей уже тремя изданиями (которую тоже советуя автору письма в журнал «Знамя»). «Западные русофобы, — пишет Ф. Г. Углов, — усердствуют в доказательстве того, что у русских, мол, особая склонность к спиртным напиткам. Эта точка зрения подогревается в антикоммунистической прессе сегодня, когда в нашей стране развернулась борьба с алкогольным злом». Печально, но есть, оказывается, сторонники этой точки зрения и в некоторых наших изданиях.

Другой вопрос, который также нельзя оставить без внимания, кто спивал народ. Разумеется, никто не станет отрицать роль в этом антинародного, а по-просту космополитического царского правительства. Но, с другой стороны, Г. Р. Державин, посланный правительством изучать причины голода в Белоруссии, столкнулся как раз с теми самыми корчмарами, о которых говорилось в рецензии и в рецензируемых книгах (о корчмарях см. в Словаре В. И. Даля). В своих известных «Записках...» Г. Р. Державин подробно написал об этом (см.: Державин Г. Р. Соч., т. 7. СПб, 1872. Сокращенный вариант см. в кн.: Державин Г. Р. Избранная проза. Сост., вступ. ст. и примеч. П. Г. Паламарчука. М., 1984. Интересно заметить, что в других современных изданиях, даже более полных, эта часть «Записок...» неизменно полностью отсутствует. С чего бы это?).

Россия не случайно привлекала иноземных корчмарей как широкое поле деятельности. Следует заметить, что корчмари не были подотчетны практически никому, и это делало их преступный промысел особенно опасным. «Значительное число питейных заведений в России, — пишет Ф. Г. Углов в названной книге на с. 32, — принадлежало еврейскому торговому капиталу. В одной Минской губернии он владел 1548 питейными заведениями из 1630». Именно этот капитал и проводил своего рода «алкогольную агрессию» против народов России. Нечего и говорить о том, что от голода, вызванного варварской деятельностью пришедших на Русь корчмарей, страдал простой народ.

Интересно, что, упрекая меня и названных мною авторов в том, что мы «сваливаем самое появление крепких напитков на Руси на иноземцев или иноверцев», Хан-Пи́ра, мягко говоря, вводит читателя в заблуждение: ни в моей публикации, ни у названных мною авторов такого утверждения нет. И это делает человек, который на каждом шагу буквально вопиет о точности фактов! Печально, что редакция журнала «Знамя», поторопившись с названной публикацией, даже не пожелала проверить утверждения своего автора.

И в заключение о самом главном — об общем содержании публикации в журнале «Знамя». Вся она — не более как очередная попытка доказать, что русские на протяжении почти всей своей истории были горькими пьяницами. Такой взгляд, как уже было сказано, убедительно отвергнут в редакционной статье журнала «Коммунист» и других вышеназванных произведениях.

Думается, все сказанное поможет редакции журнала «Знамя» и ее автору обрести более «трезвый» взгляд на нашу историю.

Николай ЗУЕВ.

Кому страшен самогонщик

Мы глубоко обеспокоены тем, что в последнее время набирает силу нездоровая кампания за отмену ограничений в продаже спиртного — в этом видят залог успеха в борьбе с самогоноварением и решение проблемы снабжения населения сахаром.

Ряд дсзодов за отмену ограничений высказан в статье В. Надеина «Нечем подсластить пилюлю» в газете «Известия» от 7 мая 1988 года и статье С. Мостовщикова в газете «Труд» от 19 мая 1988 года «Трезво о самогоне». Вот некоторые из них: «Реальные возможности милиции по борьбе с самогоноварением близки к пределу», «Каждый новый шаг напрямик и напролом потребует от общества несоразмерных жертв», «Нетрудно представить себе гнев и отчаяние родителей, когда нечем подсластить кашу малыша», «Оно (общество) уже поступилось интересами женщин (лосьоны, лак для волос), мужчин (одеколону)... отпускников (бокал пива в июльский полдень)». (Все — В. Надеин.)

«Теперь в самогонщики пошли люди даже с высшим образованием... и с образованием средним и специальным» (С. Мостовщиков). Там же с оттенком неприятия «административно введенной трезвости» сообщается о том, что на подступах к Москве стояли «завернутые» составы с вином, и цистерны «взрывались под лучами солнышка». В свою очередь нам не трудно представить себе гнев и отчаяние многих людей из категории пьющих, кулаки которых невольно сжимаются при чтении того, как взрывались и гибли эшелоны этой бурды — вместо того чтобы быть выпитыми. Экая досада! Думается, что такая же досада охватывает наркоманов, когда они читают либо видят по телевизору, как уничтожают наркотики. О том, сколько беды принесли бы эти цистерны на производстве, в семьях, сколько было бы покалечено, зарезано, избито, оскорблено и обворовано — этому в статье не нашлось места. Хотелось бы, чтобы С. Мостовщиков подсчитал и обосновал: сколько надо содержать милиции, чтобы нейтрализовать действие этих эшелонов, будь они выпиты.

В других публикациях говорится о том, что, дескать, самогонщики присвоили себе немалый доход — тот, который ранее имело государство от продажи спиртного, и предлагается вернуться к тому, чтобы этот доход вновь шел государству, а не самогонщикам.

Все перечисленные выше доводы кажутся нам несерьезными и спорными, ибо ратуют, по существу, за возврат к «пьяной экономике», к тотальному спаиванию народа.

Всем известно то трагическое положение, которое было до принятия мер по ограничению торговли спиртным. Пьянство, ставшее бичом нашего общества, дискредитировало наши передовые и справедливые идеи о лучшем в мире общественном строе. Да и может ли быть какой-либо авторитет у общества нетрезвого, которое

с каждым годом спивалось все больше и увеличивало процент неполноценных людей-дебилов до такого уровня, когда не в состоянии было бы их вскоре прокормить? В таких условиях все заявления о передовой культуре, нравственности и справедливости повисают в воздухе. Дальше — больше. К спиртному приобщается и совсем юное поколение, которому далеко до окончания школы. Показатели хулиганства и преступности на почве пьянства, а также материальных потерь в экономике стали угрожающими, эта беда сравнима с нашествием фашизма — с той лишь разницей, что на этот раз народу грозило не уничтожение, а «самоуничтожение».

Тот факт, что появился «новый» враг в лице самогонщика, вовсе не означает, что в борьбе с пьянством была, дескать, совершена ошибка и надо бить отбой. Без борьбы и усилий никакая серьезная социальная задача не решалась, и заявлять сегодня о «чрезмерных жертвах», да еще от имени детей (для которых, кстати, можно легко решить проблему сладкой каши), женщин, мужчин и отпускников, — это очередная жалкая попытка испугать власти масштабами «народного» недовольства.

Говорить сегодня о несоразмерных жертвах и тяготах в борьбе со злом, поразившим страну, о недостатке сладостей и лосьонов — это все равно что во время Отечественной войны, когда для отпора врагу требовались напряжение всех сил народа, созывать людей на митинги и с цифрами в руках доказывать им бесплезность сопротивления, распространять листовки с соответствующими призывами. Подобное паникерство деморализует народ и на руку только неприятелю.

Можно ли рассчитывать на какие-либо положительные результаты борьбы государства с самогонщиком, если стать, как предлагают В. Надеин и С. Мостовщиков, на путь насыщения рынка спиртными напитками и, так сказать, мирным путем, путем свободной конкуренции ликвидировать самогонщика? Куда уведет этот путь?

Вполне возможно, что нынешний грамотный самогонщик, усовершенствовав технологию и войдя в азарт извлечения больших доходов, будет успешно конкурировать с государством до тех пор, пока оно не окажется вынужденным снизить цены на спиртное практически до себестоимости, то есть менее рубля за литр. Но кто сегодня может дать серьезную гарантию того, что при такой ситуации мы не попадем в еще более топкое общегосударственное пьяное болото, из которого нам уже никогда не удастся выбраться?

Добавим, что если принять точку зрения тех, кто хочет таким способом победить самогонщика, то для многих стран в качестве наиболее эффективной борьбы с торговцами наркотиками следовало бы рекомендовать свободную и по более дешевым ценам государственную торговлю этими ядами: тогда, дескать, подпольный рынок исчезнет и все доходы потекут государству. Да, подпольные торговцы будут

побеждены. Но и государство со всеми его мнимыми «доходами» вырождается и погибнет.

В статье В. Надеина сказано, что отыскать профессионалов-самогонщиков несложно (автор статьи в «Труде» доказывает обратное: что, дескать, очень сложно), но они, имея большие доходы (10 рублей за бутылку), активно используют их для подкупа правоохранительных органов. (Хороши же наши органы!) Отыскать действующие «точки» действительно несложно. Так, один из постоянных любителей выпить в доверительной беседе сказал одному из нас о том, что в нашем городе (население около 30 тысяч) имеется 6 точек, где всегда можно купить самогон. Эти точки известны всем заинтересованным лицам. Несложно об этом узнать любому человеку, в том числе и органам правопорядка. Заметим также, что при всем желании эти шесть кустарей не смогут переработать весь сахар, отпускаемый городу.

Занимаясь преступной деятельностью, самогонщик-профессионал чувствует себя спокойно и с улыбкой читает в газетах панические статьи, где утверждается, что возможности милиции по борьбе с ним «близки к пределу». Сам этот факт говорит, что борьба если и ведется, то спустя рукава. Такой борьбе больше подходят эпитеты «тихая», «странная» и т. п.

Как же наши органы во время войны боролись, и довольно успешно, с предателями и диверсантами, которые были великолепно вооружены и у которых денег для подкупа было значительно больше?

Казалось бы, милиция должна быть заинтересована в прекращении пьянства и связанных с ним безобразий, поскольку такое положение позволило бы ей сконцентрировать силы для борьбы с прочими негативными явлениями, которых пока еще в нашем обществе предостаточно.

Однако вместо того чтобы поддержать политику на прекращение спаивания населения, ГУВД Мосгорисполкома многократно обращалось в руководство исполкома с предложениями о расширении торговли спиртным, и ему идут навстречу. С. Мостовщиков также считает, что 600 магазинов, например в Москве, для торговли спиртным — мало. Он пишет: «И это, по-моему, еще одно зло, которое мы породили собственными усилиями. Дефицит алкоголя, как показывает статистика правонарушений, оказался на руку иным работникам торговли. И чем дольше он продержится, тем больше удастся некоторым повернуть спекулятивных махинаций». Подобную аргументацию приводят все алкоголики и наркоманы, однако мы считаем, что бороться с этими «некоторыми» ценой расширения легального пьянства — это нелепость, поскольку всем ясно и без статистики, что эти «некоторые» великолепно умеют греть руки на чем угодно: на билетах, путевках, квартирах, запчастях, продуктах, лекарствах с наркотическими веществами и проч. и проч.

Возникает вопрос: только ли одни самогонщики повинны в нехватке сахара? Те, кто ратует за возврат к государственной торговле спиртным, напрямую связывают

отсутствие сахара с деятельностью самогонщика. Однако нам кажется, что сторонники поворота к прошлому, анализируя в общем-то простую ситуацию, делают неправильные выводы. Подсчеты произведенного самогона, по-видимому, велась по простой и неверной схеме: раз сахара нет, значит, большая часть его пошла на самогон — цифры получались устрашающие. На наш взгляд, причина отсутствия сахара в магазинах вовсе не в том, что неизвестная нам часть его пошла на самогон. Дело в другом.

Надо иметь в виду, что возврата к прошлому хотели бы некоторые заинтересованные группы: во-первых, те, кто тянется к спиртному, во-вторых, определенная («некоторая») часть работников сферы вино- и спиртоводочного производства, а также торговли, в-третьих, часть управленческого аппарата и милиции, мыслящая категориями вчерашнего дня. Разрозненные и объединенные усилия одних групп и пассивность других, появление подпольного производства самогона, масштабы которого, по нашему мнению, не так грандиозны, как их пытается кое-кто представить, длительное и упорное распространение слухов о повышении цен на сахар имели растянутый во времени, но однозначный результат: люди стали активно запасать сахар впрок, а садоводы-огородники для переработки урожая на два-три года вперед, то есть сразу и резко возник дефицит. Поэтому появление в газетах панических статей вроде «Нечем подсластить пиллюлю», из которых выступает грозное и «непобедимое» пугало самогонщика, нагнетание слухов и «прогнозирование» грядущих лишений, неизбежных, мол, в условиях действующих ограничений продажи спиртного, — все это способно заставить и уже заставило бегать по магазинам даже тех, кто никогда раньше сахаром не запасался. Несмотря на то, что в магазинах сахара «нет», некоторые люди умудряются брать его мешками. Вследствие стечения многих обстоятельств этот процесс пошел разом по всей стране и, по-видимому, какое-то время будет неуправляем.

В другой статье «Известий» от 11 мая сего года («Говорят, что мыло кончилось») сообщается об очередном ажиотаже: в Ярославле в последнее время хозяйственного мыла продавалось в 40 раз, а стирального порошка — в 20 раз больше, чем обычно. С большим трудом удалось погасить этот бум, который начал было перекидываться на соль и даже на спички. А если бы этот бум перекинулся на хлеб? Тогда, скорее всего, в этой беде обвинили бы самогонщика и потребовали немедленной свободной продажи водки.

Если же по-настоящему захотеть избавиться от самогонщика, то надо, как это уже было в нашей истории, признать его носителем зла, преступником, в корыстных целях спаивающим и отравляющим людей, и меры к нему принять чрезвычайные, считать всех лиц, участвующих в изготовлении, хранении и сбыте этого наркотика, — соучастниками преступления. Ответственность и мера наказания должны быть повышены. При необходимости можно ввести на сахар талонную систему. Если же мы будем бороться половинчатыми ме-

эми, стесняться либо паниковать и отступить — самогон и водка стбросят нашу рану в разряд наиболее бедных и отстающих. Естественно, мы являемся сторонниками и всех других форм борьбы за трезвый образ жизни: воспитание, образование, подъем культуры, организация досуга и проч. и проч.

В заключение мы хотели бы сказать, что по нашему мнению, лучшее решение затронутого вопроса — это следование курсом, предложенным В. И. Лениным, который резко выступал против того, чтобы пускать «в ход такие вещи, как водку и прочий дурман... как бы они ни были выгодны для торговли» (ГСС, т. 43, с. 326).

А. МУЗЫЧЕНКО, кандидат физико-математических наук; А. ОЛЕЙНИК лауреат Ленинской премии, кандидат физико-математических наук.

Г. ЦИВИЛЕВ, социолог г. Троицк Московской области

«Честь и здоровье береги смолоду!»

Центральный совет Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, журнал «Наш современник», исполком союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Советский детский фонд имени В. И. Ленина объявляют Всесоюзный конкурс рассказов и очерков под девизом «Честь и здоровье береги смолоду!».

Тематика конкурсных материалов охватывает весь комплекс проблем, связанных с профилактикой и преодолением пьянства и наркомании, трагических последствий алкоголизма, с формированием у молодежи твердых трезвеннических убеждений.

Сроки проведения конкурса с 1 октября 1988 г. по 1 мая 1989 г.

На конкурс могут быть представлены рукописи, а также произведения, опубликованные в литературно-художественных журналах, объемом до одного авторского листа (24 страницы машинописного текста через два интервала). Произведения авторов из союзных и автономных республик должны быть представлены в художественном переводе на русский язык.

В конверт с текстом рукописи вкладывается листок с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения, образования, места работы или учебы, принадлежности к творческому союзу (писателей, журналистов), а также индекса и точного почтового адреса автора (все данные указываются полностью).

Жюри рассматривает рассказы, присланные до 1 марта 1989 г. Рецензии на них и конкурсные тексты не высылаются.

Для победителей конкурса устанавливается:

- один диплом первой степени и премия — 1000 рублей;
- два диплома второй степени и премии — по 500 рублей;
- три диплома третьей степени и премии — по 300 рублей;
- десять поощрительных премий — по 150 рублей.

Рассказы, удостоенные дипломов и поощрительных премий, будут рекомендованы для публикации в журналах «Наш современник», «Трезвость и культура», еженедельнике Советского детского фонда имени В. И. Ленина «Семья».

Конкурсные работы направлять по адресам: 103750, ГСП, Москва, Цветной бульвар, д. 30, редакция журнала «Наш современник»; 103006, Москва, ул. Чехова, д. 18, Центральный совет Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость с пометкой «На Всесоюзный конкурс рассказов для юношества».

Жюри конкурса.